ప 213/3291

Епископъ Андрей.

И 213/3291

ЛИХОЛѢТЬЕ

ВЪ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВІЯ

среди приволжскихъ инородцевъ.

(Статьи изъ С-Петербурскихъ Вѣдомостей 1909 г. май)

Съ приложеніемъ письма Н. О. Преосвященнѣйшему Димитрію, Епископу Туркестанскому.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1909.

Епископъ Андрей.

И 213/3291

ЛИХОЛѢТЬЕ

ВЪ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВІЯ

среди приволжскихъ инородцевъ.

(Статьи изъ С-Петербурскихъ Вѣдомостей 1909 г. май)

Съ приложеніемъ письма Н. О. Преосвященнѣйшему Димитрію, Епископу Туркестанскому.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1909.

ЛИХОЛѢТЬЕ

ВЪ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВІЯ СРЕДИ ПРИВОЛЖСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

I.

Начиная рядъ статей о положеніи православія среди приволжскихъ инородцевъ, постараюсь сначала сказать нѣсколько словъ о причинахъ и цѣли появленія этихъ статей.

Причина главная—та, что въ столѣ, на которомъ я сейчасъ пишу, лежитъ нѣсколько прошеній отъ крещеныхъ татаръ объ отчисленіи ихъ отъ православія. И подобныя прошенія у меня лежатъ вотъ уже два года, то въ количествѣ около одного десятка, то нѣсколькихъ десятковъ... Это гражданская администрація запрашиваетъ „завѣдующаго миссіею“ (т. е. меня) о неимѣніи препятствій со стороны духовнаго вѣдомства на отчисленіе православныхъ отъ православія. Нужно замѣтить, что всѣ эти прошенія составлены опытною рукою,—со ссылками на дѣйствующіе законы,—и всѣ напечатаны въ извѣстныхъ типографіяхъ по одному образцу. Дѣло отпаденія отъ православія такимъ образомъ обставлено очень основательно, обдумано во всѣхъ подробностяхъ

и, если и встрѣчаются препятствія къ отчисленію отъ православія, то они мало производятъ впечатлѣнія: подавшій прошеніе объ отчисленіи его въ магометанство рано или поздно, несмотря на препятствія, всетаки уйдетъ изъ Церкви.

И такъ, одинъ за другимъ, но постепенно—цѣлыми деревнями, цѣлыми обществами инородцы уходятъ изъ православія, становятся чуждыми христіанской культурѣ, усиливая собою число ея противниковъ-магометанъ.

Такъ дѣло обстоитъ совсѣмъ не въ одной Казанской епархіи и губерніи, а вездѣ въ мѣстахъ соприкосновенія инородцевъ тюркскаго племени съ магометанствомъ.

И въ противовѣсъ такому удивительному росту ислама, православіе можетъ указать совсѣмъ не массовыя обращенія въ лоно православія, а только единичныя, случайныя и не всегда съ твердымъ убѣжденіемъ новопросвѣщеннаго въ необходимости для него всѣхъ христіанскихъ заповѣдей...

Всѣ эти явленія—очень грустныя и для Церкви, и для государства: и если на нихъ не будетъ обращено своевременно серьезнаго вниманія, то процессъ отатариванія инородцевъ еще болѣе усилится, сплоченіе тюркскаго племени около Магомета пойдетъ полнымъ ходомъ, и уже существующая въ татарской литературѣ мысль о „Тюркистанѣ“ совсѣмъ не будетъ такою нелѣпостью, чтобы на нее не обращать вниманіе. И слишкомъ ужъ часто русская внѣшняя и внутренняя политика дѣлала крупныя ошибки, чтобы не быть нынѣ безупречно осторожною: вѣдь, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ прусскіе генералы цѣловали руку Русскаго Царя, а теперь тѣ же генералы дѣлаютъ „дружественныя представленія“ объ отдѣленіи Босніи и Герцеговины изъ сферы сла-

вянскаго вліянія въ сферу нѣмецкаго. Этотъ скверный сонъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ показался бы въ Россіи полною фантазіею, а теперь—это горькая дѣйствительность. И пресловутый „Тюркистанъ“ вовсе ужъ не такъ простъ и несложенъ, какъ это представляется сначала. Это предписаніе какой-то умной магометанской головы, чтобы татары, киргизы, башкиры, чуваши и др. мелкіе инородцы отнынѣ именовались только „тюрками“, потому что это можетъ ихъ понемногу объединить: такая директива, при всей ея кажущейся невинности, въ высокой степени заслуживаетъ вниманія русскаго правительства. Объединеніе „тюрковъ“—хорошій шагъ къ мысли о существованіи „Тюркистана“.

А потомъ—такая мысль, пущенная въ оборотъ среди магометанъ и нѣкоторыми изъ нихъ усвоенная, что однимъ изъ условій мира Японіи съ Россіею было принятіе послѣднею обязательства дать татарамъ „свое правленіе“... если эта мысль привьется, то очень мало хорошаго обѣщаетъ Россіи въ будущемъ, и на нее нужно обратить поэтому все вниманіе въ настоящемъ...

Таково движеніе среди приволжскихъ инородцевъ... Но меня самымъ ближайшимъ образомъ касаются тѣ прошенія, на которыя я завтра долженъ дать отвѣтъ; завтра по этимъ прошеніямъ нѣсколько душъ христіанскихъ погибнутъ для Христовой Церкви. По чьей винѣ?

И въ это же время сотня моихъ учениковъ, разсѣянныхъ среди инородцевъ, переживаетъ такое же мучительное состояніе, отчисляя отъ православія своихъ прихожанъ. Они мнѣ пишутъ, они горько плачутъ въ своихъ письмахъ, жалуясь на свою безпомощность въ борьбѣ съ громаднымъ натискомъ пропаганды ислама, тоже пишутъ о погибели душъ христіанскихъ... И опять мучительный вопросъ: по чьей винѣ?

Теперь вслѣдствіе предположенія и ходатайства кіевскаго съѣзда передъ Св. Синодомъ о созывѣ въ Казани съѣзда дѣятелей по христіанскому просвѣщенію инородцевъ, въ Казани получаются уже свѣдѣнія о состояніи этого христіанскаго просвѣщенія.

Эти свѣдѣнія глубоко безотрадныя. Магометане имѣли девять своихъ съѣздовъ, прекрасно дѣлаютъ свое дѣло,—а мы собираемся обсудить свои дѣла на первомъ съѣздѣ и когда еще соберемся? И долго-ли еще будемъ собираться?

Между тѣмъ, громадный районъ всего сѣверо-восточнаго края Россіи, вся Зап. Сибирь, Ср. Азія остаются совершенно не изученными со стороны усиленія и и развитія русскаго просвѣщенія среди мѣстнаго населенія. А по мѣстамъ приходится говорить только объ охранѣ уже послѣднихъ остатковъ русской культуры противъ иноземной и иновѣрной пропаганды.

Въ далекомъ Петербургѣ—обо всемъ этомъ если и думаютъ, то очень и очень мало. Тамъ занимаются только тѣмъ, что „поступило“ въ соотвѣтствующую канцелярію, а что дѣлается нынѣ въ жизни, какіе она дѣлаетъ шаги въ своемъ развитіи, объ этомъ плохо даже и знаютъ, о жизни же магометанъ и вовсе не знаютъ, ибо знать не откуда: русскаго органа печати, который бы слѣдилъ за міромъ ислама, у насъ нѣтъ. Намъ изъ этого міра извѣстны только обрывки и вполнѣ случайные.

Вотъ причины, почему появляются въ печати настоящія строки. А цѣль ихъ—понятна сама собою.

II.

Манифестъ 17 октября 1905 года, въ первое время своего существованія казавшійся для всѣхъ закономъ и нѣкоторое время осуществлявшійся, произвелъ, какъ всѣмъ извѣстно, великое всероссійское смятеніе, и четыре обѣщанныя этимъ манифестомъ свободы принесли страшное горе нашему отечеству за первый же годъ своего существованія, когда свобода печати обратилась въ свободу лжи, клеветы и невозможной пошлости и разврата, когда свобода союзовъ привела къ свободѣ разбойническихъ шаекъ и такъ-называемыхъ экспропріацій и пр. и пр. Но очень скоро,—хотя съ большимъ опозданіемъ и уже совсѣмъ несвоевременно,—наше правительство опомнилось и началась защита напуганныхъ русскихъ гражданъ отъ этихъ свободъ, началась защита Россіи отъ ужасовъ нравственнаго разложенія общества и антинаціональной и антиобщественной печатной пропаганды.

Такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи пока трехъ свободъ. А въ отношеніи свободы вѣроисповѣданія мы еще стоимъ по прежнему совсѣмъ на ложномъ пути.

Свобода всевозможныхъ совращеній во всякое иновѣріе всякими темными путями признается и сейчасъ у насъ одною изъ благодѣтельныхъ свободъ печальной памяти 1905 года. Какъ ранѣе, такъ и сейчасъ лично мы признаемъ, что свобода совѣсти (т.-е. вѣроисповѣданія) необходима въ Россіи, но, какъ свобода союзовъ совсѣмъ не похожа на свободу разбойническихъ шаекъ экспропріаторовъ, такъ и свобода вѣроисповѣданій совсѣмъ не значитъ, чтобы россійскія мелкія власти содѣйствовали постройкамъ мечетей, а паралельно съ этимъ крупныя россійскія власти поняли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свобо-

ду совѣсти такъ, что запрещали своимъ подчиненнымъ участвовать въ православныхъ братствахъ!—Картина получилась очень яркая... Церковь, создавшая всю русскую государственность, Церковь, заслуги которой предъ русскимъ государствомъ безчислены,—Церковь оказывалась и доселѣ оказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явно гонимою при непонятномъ и беззаконномъ попустительствѣ гражданскихъ властей.

Жгутъ церкви, бьютъ православныхъ, создается невозможное положеніе послѣднихъ въ магометанскомъ обществѣ: „виновные остались не разысканы“,—вотъ единственное послѣдствіе жалобъ на это начальству.

Таково отношеніе къ христіанству и магометанству нашихъ русскихъ властей (нужно думать, что всетаки какъ-ни-какъ христіанскихъ).

Объ обществѣ нашемъ, пресловутой нашей интеллигенціи, представители которой иногда не знаютъ о Церкви буквально ни слова,—объ ихъ отношеніи къ миссіи и инородцамъ и говорить невозможно. Ихъ младенческій лепетъ, ихъ самодовольное невѣжество, ихъ великолѣпная способность ничего не знать и, тѣмъ не менѣе, обо всемъ съ великимъ апломбомъ говорить—все это дало имъ возможность „быть въ принципѣ противъ миссіи“... При такихъ принципахъ интеллигенціи говорить о православной миссіи было бы равносильно медленному самоубійству,—можно потерять голосъ, можно себѣ разбить грудь, но нельзя добиться отъ нашихъ „интеллигентовъ“ серьезнаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ,—ибо „можетъ-ли эѳіопянинъ перемѣнить кожу свою и барсъ пятна свои?“ (Іерем. 13, 23). Я не говорю вообще объ интеллигенціи безъ исключеній: напротивъ, я счастливъ, утѣшаясь блестящими примѣрами сознательной религіозности,—я говорю о тѣхъ передо-

выхъ, такъ называемыхъ, дѣятеляхъ 1905—1906 гг., которые участвовали во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, которые дѣлали и передѣлывали исторію Россіи, переименовывали ее въ „Парламентарію“ и забывали объ идеалахъ русскаго народа и о Церкви.

Чрезвычайно характерно было отношеніе къ миссіи и со стороны духовенства, въ громадномъ большинствѣ воспитывавшагося въ духовныхъ школахъ и ни въ какой степени не привыкшаго къ живой пропов'ѣди, а тѣмъ болѣе къ миссіи. Полиція и миссія, миссія и полиція эти понятія не раздѣлимы были до 1905 года.

Но вотъ наступили эти черные дни для православныхъ ревнителей Св. Евангелія... Духовенство стало выдѣлять изъ себя Гапоновъ, Гапончиковъ и подобные типы политическихъ „орателей“: такихъ было очень не мало! А рядомъ съ этимъ типомъ нашего „передового“ духовенства стояли батюшки, ровно ничего не понимавшіе во всемъ происходящемъ вокругъ нихъ и ничего не дѣлавшіе, ни словомъ, ни дѣломъ не защищавшіе свое церковное дѣло отъ всякихъ хищниковъ...

Получилось положеніе для православной Церкви совершенно исключительное! —Всѣ ея враги и враги русской государственности дѣлали свое страшное дѣло разрушенія религіозно-нравственнаго народнаго быта, а представители Церкви и всѣ русскія власти были въ лучшемъ случаѣ только свидѣтелями этого.

Въ настоящее время положеніе православія если и улучшилось, то совсѣмъ не настолько, чтобы церковный дѣятель могъ быть покоенъ за завтрашній день... Правда,—со стороны свѣтской власти уже имѣются попытки поправить то, что уже сильно перепорчено, но все это совершенно случайно и не вслѣдствіе строго очерченныхъ принциповъ. Что касается „общества“ и духовен-

ства,—положеніе православія измѣнилось очень мало: общество такъ же ничего не понимаетъ, а духовенство по прежнему мало дѣлаетъ и ждетъ помощи со стороны, помощи грубой внѣшней и Церкви, кромѣ вреда, ничего не приносящей.

Въ виду вышеизложеннаго предстоящій казанскій съѣздъ дѣятелей по утвержденію христіанства среди приволжскихъ инородцевъ долженъ ясно и твердо выяснить задачи и цѣли вообще русскаго дѣла и отдѣльныхъ русскихъ дѣятелей. Съѣздъ долженъ:

1. Всѣмъ церковнымъ дѣятелямъ сказать, что они ни на какую полицейскую помощь въ будущемъ расчитывать ни въ какомъ случаѣ не могутъ, что эта помощь не нужна, вредна, что въ рукахъ святой Церкви слишкомъ много своихъ средствъ и способовъ для осуществленія своихъ задачъ—спасенія душъ человѣческихъ.

2 Съѣздъ долженъ русской администраціи твердо указать, что она должна преслѣдовать русскія національныя цѣли, а не должна быть интернаціональною прислугою. Всякое массовое отпаденіе отъ православія есть въ существѣ дѣла гибель въ этомъ мѣстѣ русскаго дѣла. Всякое попустительство въ устройствѣ незаконной мечети есть преступленіе противъ русскаго дѣла и пр. Всякая печатная клевета на русское православіе есть клевета на Россію и пр. и пр. Это для русской администраціи не безразлично должно быть.

3. Съѣздъ въ Казани долженъ указать, что іерархія, администрація и министерства должны дѣйствовать по строго продуманному и опредѣленному плану, а не случайно и въ разбродъ.—Таковы громадныя задачи будущаго съѣзда.

рактерный разсказъ профессора П. О. К., какъ одинъ казанецъ рекомендовалъ себя: „отпадшій татаринъ изъ крещеныхъ черемисъ.“ Это значитъ, что черемисы-христіане, если принимаютъ магометанство, то сейчасъ же становятся уже „отпадшими татарами“, всецѣло забывая о своей національности.

Совершенно такой же процессъ совершается и среди всякихъ другихъ приволжскихъ инородцевъ, и такимъ образомъ уже десятки деревень, бывшихъ христіанскими нынѣ именуютъ себя татарами. А это явленіе очень важно для всѣхъ пан-тюркскихъ вожделѣній и, разумѣется, вовсе не въ интересахъ Россіи!

Но замѣтьте, что четыре милліона магометанъ, ярыхъ пропагандистовъ ислама и фанатичныхъ націоналистовъ, дѣйствуютъ одушевленно, энергично и неуклонно на разрозненную и разъединенную, неспособную къ борьбѣ инородческую массу черемисъ, вотяковъ, крещеныхъ татаръ, башкиръ, киргизъ, чувашъ и др. и не имѣютъ въ этой массѣ никакого противодѣйствія. Борются съ моремъ ислама только десятки батюшекъ-миссіонеровъ и оказываются вполнѣ безсильными въ этой борьбѣ. Въ то время какъ всякій магометанинъ является фанатичнымъ проповѣдникомъ своей вѣры, въ то время какъ магометанская община является превосходной защитой всего татарскаго быта,—русскіе не имѣютъ у себя рѣшительно ни чего подобнаго. Мало того, русскіе купцы или мелкіе торговцы, попадая въ татарскую среду, перестаютъ говорить по-русски даже въ своей семьѣ, и дѣти этихъ русскихъ не знаютъ уже простого народнаго языка!

При такомъ положеніи дѣла, да еще при полномъ непониманіи петербурскими вершителями судебъ инородческой жизни и при нежеланіи ихъ оказать помощь

провинціальнымъ дѣятелямъ,—совершенно опускаются руки! Приходится работать, видя, какъ сдѣланное немедленно разрушается какою-либо случайностью, какимъ-либо нелѣпымъ распоряженіемъ мундира другого вѣдомства, какою-нибудь неосторожностью случайнаго чиновника...

Все это совершенно случайно выяснилось въ кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ на совершенно случайной (у насъ еще все случайно!) противо-магометанской коммиссіи. Всѣ члены этой коммиссіи единогласно указывали, что у нихъ нѣтъ ни руководителей, ни общихъ руководственныхъ указаній, что они рѣшительно не знаютъ, за что взяться, какому направленію слѣдовать. Это и было основною причиною ходатайства передъ Св. Синодомъ участниковъ кіевскаго съѣзда о созваніи въ Казани въ 1909 году съѣзда дѣятелей по инородческому просвѣщенію. Къ сожалѣнію, этотъ съѣздъ тоже по совершенно, конечно, случайнымъ причинамъ, отложенъ на нѣкоторое время. И это, конечно, не къ пользѣ миссіонерскаго дѣла среди инородцевъ. Между тѣмъ, на предположенный казанскій съѣздъ уже поступили матеріалы. И всѣ миссіонеры почти единогласно утверждаютъ о критическомъ положеніи миссіи и о причинахъ этого.

Вотъ что пишетъ, напр., оренбурскій епархіальный миссіонерскій комитетъ: „Безсистемность, отсутствіе одного общаго направленія наносить сильнѣйшій вредъ миссіонерскому дѣлу. Одинъ ведетъ дѣло съ инородцами по системѣ Ильминскаго, а другой—совершенно иначе. Необходимо создать одинаковую, устойчивую организацію въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, примѣнительно къ современнымъ условіямъ и требованіямъ".

III.

Настоящую статью начинаю съ выясненія причинъ, почему усиленіе магометанства вообще и особенно на счетъ разноплеменнаго инородчества Восточной Россіи является несчастьемъ для русской государственности.

По очень простой причинѣ: магометанское населеніе есть элементъ, абсолютно чуждый, по мѣстамъ враждебный для Россіи и для русскаго дѣла. Магометане въ Россіи—это всецѣло отдѣльное „государство въ государствѣ“. Тому причинъ очень много—и религіозныхъ, и историческихъ, и бытовыхъ. И пока въ Россіи все гладко, пока Россія сильна, магометане будутъ очень низкопоклонны, но всякая заминка въ русской жизни, всякое ослабленіе русской власти будутъ использованы магометанами въ своихъ націоналистическихъ цѣляхъ.

И въ 1905—1907 годахъ магометане прибрали къ своимъ рукамъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ во всемъ камско-волжскомъ краѣ, а киргизы и ногайбаки и сейчасъ находятся на краю пропасти, наканунѣ полной гибели въ магометанскомъ морѣ.

И ихъ нужно немедленно спасать,—спасать для Россіи, для Церкви, для нихъ самихъ.

Что значитъ: спасти инородцевъ для Россіи? Неужели принятіе магометанства въ отношеніи къ русскому дѣлу имѣетъ такія послѣдствія?

Отвѣчаемъ: да, принятіе магометанства инородцами всегда сопровождается гибелью всего ихъ національнаго быта и полнымъ отчужденіемъ отъ всего русскаго. Татары, основные носители магометанской культуры, требуютъ отъ другихъ инородцевъ, принимающихъ исламъ, отреченія отъ языка, отъ платья, отъ всей внѣшности, отъ всей домашней обстановки и пр. Припоминаю ха-

Совершенно таковы же заявленія и начальниковъ другихъ миссій.

А вотъ еще характерное замѣчаніе для интересующихся миссіею: „административныя должности, какъ то земскихъ начальниковъ, крестьянскихъ начальниковъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и т. п. въ инородческихъ мѣстностяхъ часто занимаютъ лица,—враждебно настроенныя къ православной вѣрѣ. Эти люди русскому православному дѣлу приносятъ одинъ вредъ“...

Что же дѣлать тутъ миссіонеру? Кого обращать въ православіе? Или ему остается только ѣздить за такими „русскими“ администраторами по пятамъ и поправлять ихъ ошибки и утѣшать смущенныхъ ихъ выходками православныхъ? Тяжелое положеніе...

Или требовать „покровительства“ и „защиты“ православія у этихъ іудушекъ?!—Но это еще ужаснѣе...

IV.

Единогласное требованіе миссіонеровъ, имѣющихъ дѣло съ инородцами всей Восточной Россіи и Западной Сибири,—то, чтобы имъ были указаны опредѣленные принципы ихъ дѣятельности, признаваемые и свѣтскою администраціею. Миссіонеры, просвѣтители инородцевъ свѣтомъ Христовой истины, большія надежды возлагаютъ въ этомъ отношеніи на казанскій съѣздъ, который долженъ объединить всѣхъ русскихъ дѣятелей среди инородцевъ и указать общія ихъ цѣли.

Но и среди самихъ церковныхъ дѣятелей нужно опредѣлить тѣ пути, которыми они должны неуклонно идти, не дробя свои силы и не растрачивая ихъ на

ошибочныя предпріятія, очень часто—чрезвычайно вредныя; кромѣ того, должны быть устранены явныя недоразумѣнія.

Къ числу вредныхъ ошибокъ духовной администраціи (главнымъ образомъ, духовныхъ консисторій) нужно отнести взглядъ на духовенство, какъ на обрусителей въ грубомъ смыслѣ этого слова, т. е. когда инородца хотятъ оставить тѣмъ же духовно-нравственнымъ убожествомъ, но заставить его забыть родной языкъ, заставить его говорить по-русски, заставить его носить русскій пиджакъ и пр., и пр. въ этомъ родѣ. Такая русификація являющаяся идолопоклонствомъ или магометанствомъ, только на русскомъ языкѣ,—есть страшная ошибка, есть величайшій грѣхъ русской администраціи предъ человѣческою душою инородца. И противъ этого явленія всегда до смерти боролся приснопамятный Ильминскій, какъ противъ величайшей нелѣпости во всѣхъ отношеніяхъ. Оторвать инородца отъ его деревни и его роднаго быта, насильственно руссифицировать его—это, значитъ, сдѣлать его человѣкомъ, не помнящимъ родства, опустошить его душу безъ умѣнія чѣмъ-либо ее заполнить. Ужасно положеніе такого несчастнаго инородца! Грѣховно дѣло такого нелѣпаго руссификатора!

Но, кромѣ того, въ мысли о внѣшней руссификаціи чрезъ языкъ заключается и величайшая ошибка: даже на русскомъ языкѣ, даже забывъ свой языкъ (что почти невозможно), инородецъ не будетъ любить Россію и русскихъ. Посмотрите на евреевъ: развѣ они не говорятъ порусски?! Но чѣмъ лучше они владѣютъ русскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе вредятъ Россіи, потому что не любятъ ее. Такихъ ли плодовъ своей дѣятельности ищутъ наши руссификаторы?

Но еще страшнѣе и глупѣе положеніе такого руссификатора, когда онъ—священникъ.

Представьте чувашское, или киргизское, или крещено-татарское (безразлично) селеніе, очень слабо укрѣпленное въ христіанствѣ,—а они почти всѣ таковы. Почти всѣ эти инородческія селенія стоятъ въ татарско-магометанскомъ кольцѣ, а очень часто находятся еще и въ матеріальной зависимости отъ магометанъ. И вотъ надъ такими бѣдняками инородцами вдругъ кому-нибудь вздумается произвести руссификаторскій экспериментъ, и въ ихъ приходъ назначается священникъ, незнающій языка своихъ прихожанъ... Начинается истинное мученіе батюшки, если онъ—добрый пастырь: онъ ни слова не понимаетъ въ инородческомъ богослуженіи, а когда начинаетъ богослуженіе на славянскомъ, то инородцы просто-на-просто уходятъ изъ церкви. Куда же имъ идти послѣ этого? Гдѣ помолиться? Да вотъ рядомъ, въ полуверстѣ — мечеть магометанская; тамъ все родное, тамъ встрѣчаютъ съ радостью и провожаютъ съ любовью, —просятъ и на будущее время не забывать. Такъ одинъ по одному цѣлыя деревни инородцевъ и уходятъ изъ православныхъ храмовъ въ мечети отъ тѣхъ священниковъ, которые являются къ нимъ не съ любовью пастыря-отца, а только со знаніемъ русскаго языка и желаютъ дать инородцамъ не свѣтъ истины Христовой, а только сапоги вмѣсто лаптей да русскую казенную водку вмѣсто собственнаго пива. А потомъ: что дѣлать съ этими „обрусѣлами“ инородцами?

Такъ кончается попытка сдѣлать изъ священника какую то жалкую фигуру политическаго дѣятеля, вмѣсто духовнаго отца.

Немногимъ лучше оказывается и положеніе того инородческаго прихода, куда попадаетъ русскій псаломщикъ.

Картина почти таже: церковь пуста! И не можетъ

не быть пустою! кому же нужно, вмѣсто словъ молитвы, слышать какіе-то звуки, рѣшительно ничего ни уму, ни сердцу не говорящіе?

Но въ такомъ приходѣ и батюшка, если онъ—истинный отецъ своего прихода, оказывается настоящимъ мученикомъ. Онъ говоритъ возгласъ, напримѣръ, по-татарски, псаломщикъ читаетъ по-славянски..... Богомольцы начинаютъ уходить изъ храма; батюшка начинаетъ отъискивать человѣка, который бы могъ хоть что-нибудь прочитать для назиданія богомольцевъ, а псаломщикъ, только мѣшающій богослуженію, начинаетъ заявлять о своихъ правахъ: я-де присланъ начальствомъ...

Начинается истинный адъ въ приходѣ,—ради безграничной жестокости „начальства“, иногда вовсе не знакомаго ни съ какими пріемами миссіи. И дѣло кончается еще отпаденіемъ десяти—двадцати домовъ изъ христіанства въ магометанство... А если этихъ отпаденій еще и не будетъ, то во всякомъ случаѣ они будутъ основательно подготовлены...

А рядомъ съ этимъ простой „миссіонеръ“ бьется изо всѣхъ силъ, старается привести хоть кого-нибудь одного въ лоно св. Церкви!

И оказывается, что въ дѣлѣ возсоединенія инородцевъ съ русскимъ народомъ трое или четверо разрушаютъ то, что созидаетъ одинъ.

Но есть еще язва во всѣхъ инородческихъ епархіяхъ: это—издавна утвердившійся способъ наказывать провинившагося священника переводомъ въ бѣднѣйшій приходъ. Этими бѣднѣйшами приходами всегда бываютъ приходы съ инородческимъ населеніемъ, потому что инородцы въ общемъ плохо еще пріучены къ пожертвованіямъ на церковь, къ совершенію оплачиваемыхъ молебновъ, панихидъ и пр.

И вотъ русскій батюшка, обвиненный или въ нетрезвости, или въ лихоимствѣ, попадаетъ въ инородческій приходъ—иногда въ бѣднѣйшее село, на половину отпадшее уже отъ Церкви.

И тутъ уже начинается такая проповѣдь магомстанства не словами, а дѣломъ; получается такой яркій примѣръ превосходства жизни магометанъ надъ христіанскою, что рѣшительно никакая миссія не въ состояніи ничего подѣлать, и можно заранѣе сказать, что этотъ воистину бѣднѣйшій, несчастнѣйшій приходъ скоро окажется въ числѣ отпадшихъ.

Я это пишу не фантазію: къ сожалѣнію, это—страшный образецъ ошибокъ нашей духовной администраціи.

Повторяю: возможно-ли тутъ успѣхи миссіи съ такими миссіонерскими пріемами?

Да, нуженъ или казанскій миссіонерскій съѣздъ или очень многое другое нужно...

Правда же: на девять магометанскихъ съѣздовъ нужно отвѣтить хоть однимъ!...

V.

Безуспѣшность русской христіанской культуры въ ея борьбѣ съ татарско-магометанской, когда онѣ обѣ соприкасаются съ инородцами тюркскаго корня, объясняется многими причинами. Но главная причина этой безуспѣшности лежитъ въ великой силѣ религіознаго одушевленія, которымъ проникнута магометанская община. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ талантливый магоме-

танскій публицистъ Гаспринскій, составившій эпоху въ развитіи и объединеніи русскаго магометанства.

„Хотя магометане и лишены высокой европейской культуры, какъ силы для самосохраненія,—пишетъ Гаспринскій,—но они въ своей религіи и проистекающемъ изъ нея своемъ общественномъ бытѣ имѣютъ весьма крѣпкую, почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ во вредъ національной индивидуальности... Обратите вниманіе и изучите всѣ функціи любой мусульманской общины въ наименьшей ея единицѣ, представляемой приходскою общиною. Всякая такая община представляетъ собою миніатюрное государство съ прочною связью частей съ цѣлымъ и имѣетъ свои законы, обычаи, общественные порядки, учрежденія и традиціи, поддерживаемые въ постоянной силѣ и свѣжести духомъ исламизма. Община эта имѣетъ свои власти въ лицѣ старшинъ и всего прихода, не нуждающіяся въ высшемъ признаніи, ибо авторитетъ этой власти—религіозно-нравственный. Каждая мусульманская община имѣетъ свою школу и свою мечеть, содержимыя или общиною, или на завѣщанные на то капиталы и имущества. Мусульманское мектебе близко соприкасается съ общиною и служитъ дополненіемъ школы семейной, гдѣ чуть не съ пеленокъ дитя подвергается неотразимому вліянію отца и матери въ дѣлѣ воспитанія въ духѣ ислама, такъ что ребенокъ 7—8 лѣтъ уже имѣетъ столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивитъ всякаго новичка-наблюдителя и заставитъ задуматься всякаго рьянаго руссификатора.

Такая мусульманская община въ 10—20 семействъ, куда бы ни была заброшена судьбою, сейчасъ группируется вокругъ мечети или школы, совмѣщаемыхъ нерѣдко въ одномъ и томъ же помѣщеніи, и немедленно

для питанія себя высшими познаніями примыкаетъ къ сферѣ дѣйствій какого-либо ближайшаго медрессе (нѣчто въ родѣ средняго учебнаго заведенія).

Такія небольшія мусульманскія общины, разбросанныя отдѣльными поселками, наблюдаются во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и, несмотря на вѣковое сожительство въ массѣ русскаго народа, не утратили никакой татарско-мусульманской черты... Примѣръ весьма поучительный и доказывающій племенную устойчивость татаръ представляютъ литовскіе татары, разсыпанные чуть не въ десяти губерніяхъ Юго-Западнаго края въ числѣ 8—9 тысячъ".

Такова истина о значеніи татарской религіозной общины: она сохраняетъ религіозное одушевленіе ислама, она воспитываетъ патріотизмъ магометанскихъ школьниковъ, она, какъ какой-то предохранительный колпакъ, охраняетъ религію Магомета отъ всякаго посторонняго на нее воздѣйствія...

Представьте, что рядомъ съ такою религіозною магометанскою общиною соприкасается русская деревня. Въ этомъ случаѣ—русскіе и татары остаются почти безъ воздѣйствія одной общины на другую. По крайней мѣрѣ, въ Казанской губерніи мы наблюдаемъ, какъ русскіе и татары живутъ рядомъ деревнями по сто лѣтъ и остаются совершенно даже незнакомыми между собою. Хотя нужно здѣсь отмѣтить страшный фактъ, что въ Уфимской губерніи было болѣе десяти случаевъ выхода русскихъ дѣвицъ замужъ за татаръ; то же въ Туркестанѣ и въ Оренбурской губ.

Но, если татарское селеніе находится рядомъ съ инородческимъ, не только языческимъ, но и православнымъ,—то его воздѣйствіе на инородцевъ всегда оказывается настолько сильнымъ, что скоро—очень скоро ино-

родцы начинаютъ считать себя уже „отпадшими татарами“—изъ „крещеныхъ черемисъ, чувашъ, вотяковъ“ и т. д. Особенно опасно въ этомъ отношеніи положеніе чувашъ, языкъ которыхъ очень близокъ къ татарскому: отатариваніе этой народности идетъ очень быстро.

Гдѣ же причина этого обиднѣйшаго для русской культуры и столь безгранично тяжелаго для православной миссіи явленія, что магомстанство насчитываетъ несравненное болѣе прозелитовъ, чѣмъ православіе? Почему существуютъ массовыя отпаденія въ магометанство и нѣтъ присоединенія къ православію, хотя бы сколько-нибудь замѣтнаго?

Отвѣчаемъ: тамъ существуетъ религіозная община, тамъ существуютъ приходы, поддерживающіе взаимно одинъ другого и владѣющіе громадными въ общей сложности капиталами. Магометанская община не допуститъ въ свою среду какого-нибудь безбожника или кощунника. Она сама содержитъ свою школу, и учителю въ голову не придетъ что-нибудь, чего не похвалили бы старики.

А у насъ—русскихъ? Что мы можемъ противопоставить этому одушевленію ислама?

Рѣшительно ничего! У насъ существуютъ прекрасные отдѣльные дѣятели, самоотверженные миссіонеры, но ничего, никакой общественной поддержки эти дѣятели не имѣютъ ни откуда!

У русскихъ—только „ба-лямъ, ба-лямъ“, да больше ничего,—вотъ что говорятъ безграмотные магометане о нашей религіозной жизни, т. е., кромѣ звона колокольнаго, они ничего не видятъ и не слышатъ!

Между тѣмъ, я не могу забыть, какъ одинъ священникъ убѣжалъ изъ своего прихода, настоятельно требовалъ перевести его въ другое село изъ-за... маго-

метанскихъ мальчишекъ татарчатъ. „Какъ только оставимъ дѣтей на улицѣ однихъ,—жаловался онъ,—такъ, непремѣнно татарчата надѣваютъ имъ тюбетейку (маленькую шапочку—символъ принадлежности къ исламу) и пріучили ихъ уже къ магометанскимъ именамъ“... Итакъ священникъ-миссіонеръ, одинокій и безпомощный, убѣжалъ отъ десятилѣтнихъ миссіонеровъ-татарчатъ (теперь въ этомъ селѣ живетъ монахъ)! Такова миссія у татаръ!...

Что же дѣлать въ дѣлѣ защиты среди инородцевъ русской культуры, немыслимой внѣ православія?

—На этотъ вопросъ отвѣтъ одинъ: нужно возстановить среди русскихъ приходскую жизнь, нужно къ этой приходской взаимопомощи пріучитъ православныхъ инородцевъ. Безъ этой христіанской взаимопощи совершенно невозможно ничего подѣлать даже въ охрану православія, а не только въ дѣлѣ чистой миссіи среди инородцевъ приволжскаго края. Теперь уже нужны не слова христіанской проповѣди, а дѣла христіанской жизни: тогда и христіанская проповѣдь будетъ дѣйствительною. Теперь же дѣло христіанской миссіи среди магометанъ такъ основательно испорчено, что безъ приходскихъ организацій, безъ проповѣди дѣломъ—ничего уже однимъ только словомъ достигнутъ невозможно.

Когда мнѣ пришлось объ этомъ говорить на кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, то одинъ видный современный церковный дѣятель, возражая мнѣ, указывалъ, что апостолы приходили со своею проповѣдью къ незнакомымъ народамъ и приводили ихъ ко Христу очень скоро... Но, вѣдь, у этихъ народовъ не были распространены въ милліонѣ экземпляровъ двойные фотографическіе портреты священника Ивана Громова, перешедшаго въ магометанство и сфотографированнаго ря-

домъ —и въ рясѣ съ крестомъ, и въ чалмѣ съ именемъ Яхья Искандеровъ? А въ рѣдкомъ домѣ магометанина теперь нѣтъ этого портрета—священника уфимской епархіи. Съ чего начинать проповѣдь въ такомъ домѣ?

VI.

Возвращаемся къ вопросу о приходскихъ организаціяхъ...

Мы уже отмѣтили, какую силу имѣетъ магометанская община; можно даже прямо сказать: магометане сильны своею религіозною общиною, сильною взаимною поддержкою. И эта община всею своею массою давитъ на окружающее инородческое населеніе и захватываетъ подъ свое вліяніе. На нашихъ глазахъ происходитъ татаризація инородцевъ.

Между тѣмъ, у насъ идетъ еще вопросъ о томъ, какъ писать слово обрусѣніе—черезъ ѣ, производя это слово отъ глагола „обрусѣть“, т. е. сдѣлаться русскимъ, привыкнуть къ русскому языку и быту, или нужно писать „обрусеніе“,—отъ слова обрусить, т. е. насильно кого-либо сдѣлать русскимъ, искусственно произвести руссификацію. Этотъ характерный споръ недавно вели дѣятели по инородческому просвѣщенію на страницахъ одного духовнаго журнала. Вотъ каковы наши принципы...

Итакъ—обрусѣніе чрезъ *ѣ* или обрусенія чрезъ *е*?

Конечно, насколько позволяетъ намъ говорить опытъ, мы можемъ сказать, что насильственная внѣшняя руссификація, прежде всего вредна (какъ мы писали раньше), потому что только отрываетъ инородцевъ отъ роднаго быта и не даетъ имъ ничего новаго ни въ области

мысли, ни въ жизни сердца. Это, собственно говоря,— новый видъ босячества.

Помню, какъ въ Тургайской области я встрѣтилъ такую „миссію“: за годъ было „просвѣщено св. крещеніемъ“ семь человѣкъ, а потомъ пять были уличены въ воровствѣ. И въ извиненіи ихъ можно сказать, что ихъ проступковъ объяснялся только голодомъ: лишенные семьи, изгнанные изъ магометанскаго общества, не знающіе никакого ремесла,—они отъ голода поплатились тюрьмою.

Вотъ это обрусеніе черезъ „е“,—это плоды обрусенія внѣшняго, случайнаго, когда новокрещенный остается для всѣхъ только чужимъ, когда крещеніе, безъ достаточной подготовки, почти ничего не давая ему въ его духовномъ развитіи, отрываетъ его отъ старыхъ понятій, отъ роднаго для него быта... Разумѣется, такое обрусеніе только отталкиваетъ инородческую массу отъ „русской вѣры“, только заставляетъ инородцевъ съ фанатичнымъ упорствомъ отстаивать нелѣпыя, но дорогія для нихъ особенности ихъ жизни и вѣрованій.

Какой же способъ сліянія инородцевъ съ русскими и существуетъ-ли такой способъ?

Да, существуетъ. Этотъ способъ и называется въ общей сложности „инородческимъ просвѣщеніемъ по системѣ Н. И. Ильминскаго“.

Эта система имѣетъ въ виду обрусѣніе инородца, т. е. созданіе среди инородцевъ такого положенія вещей, когда они незамѣтно для себя и, если можно такъ сказать, съ удовольствіемъ пожелаютъ быть русскими, когда инородцы предпочтутъ быть русскими, чѣмъ оставаться инородцами.

Для этого нужно очень и очень многое: нужно поднять культурность русскаго населенія настолько, чтобы она была очевидною и заслужила въ глазахъ инородца

полное уваженіе съ его стороны. А этого сейчасъ не только нѣтъ, а есть какъ разъ нѣчто противоположное: въ религіозно бытовомъ отношеніи русскіе стоятъ гораздо ниже магометанъ и не выше другихъ инородцевъ; въ семейномъ отношеніи—то же, а въ отношеніи развитія національнаго самосознанія русскіе почти несравнимы съ магометанами-татарами,—настолько способны русскіе ассимилироваться съ кѣмъ угодно... Въ этомъ отношеніи большую пользу могъ бы оказать „союзъ русскаго народа“ чрезъ свои сельскіе отдѣлы, но при его нѣсколько болѣзненно-горделивомъ самопревозношеніи является другая опасность, что русскіе будутъ усиленно отталкивать инородцевъ отъ себя, всѣми средствами выражая свое къ нимъ пренебреженіе. Можетъ быть двойное въ такихъ случаяхъ несчастіе: гдѣ русскіе въ меньшинствѣ, тамъ они по прежнему будутъ ассимилироваться и съ татарами, и съ черемисами, и съ кѣмъ угодно, кто около нихъ, а гдѣ они въ большинствѣ—тамъ будутъ отталкивать инородцевъ...

Что же нужно для нормальнаго сожитія русскихъ съ инородцами и настолько, чтобы была надежда на обрусѣніе послѣднихъ?

Быть можетъ, кто-нибудь можетъ изобрѣсти и указать какое-либо другое средство, кромѣ приходской общины. Мы другого средства не знаемъ, ибо возстановленіе общины среди русскаго населенія и постепенное ея введеніе среди крещеныхъ инородцевъ и пріучитъ все православное къ сознательной церковности, разовьетъ любовь къ православной Руси, т. е. здоровый русскій патріотизмъ, безъ задора и самовосхваленія, и объединитъ русскихъ инородцевъ въ единомысленномъ служеніи великимъ русскимъ началамъ: православной Церкви, православному Самодержцу и православнымъ христіанамъ

всѣхъ народностей. Это будетъ служеніе Богу въ служеніи людямъ. Это будетъ истинное обрусѣніе.

Между тѣмъ, точно какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ вопросомъ о введеніи у насъ церковно-приходской жизни. Кажется, всѣ силы ада возстали противъ этой мысли о возможности русскимъ православнымъ христіанамъ жить около храмовъ, а не около кабаковъ.

Чего бы, кажется, проще—дать возможность всѣмъ, кто еще не потерялъ вѣру въ Бога, служить Церкви и пользоваться ея святыми дарами? Это обѣщалъ русскому народу, осуществленія этого желалъ и нашъ Благовѣрный Царь Николай Александровичъ въ своемъ великомъ манифестѣ отъ 26 февраля 1903 года... И, однако, великое дѣло оздоровленія церковно-приходской жизни такъ и не двигается! Мѣшаетъ оно кому-то, да и очень многимъ, но для народа-то православнаго это церковное оздоровленіе чрезвычайно нужно. Нужно, чтобы наши пастыри собрали вокругъ себя остатки своей паствы и употребили всѣ мѣры къ тому, чтобы и эти остатки не покинули церковной ограды. А когда эти лучшія приходскія силы будутъ съорганизованы, когда онѣ плотно сомкнутся вокругъ своихъ духовныхъ отцевъ, тогда наша іерархія будетъ сильна,—а до тѣхъ поръ пастыри, оставленные и пренебрегаемые своею паствою, и паства, не имѣющая пастырей, будутъ являть собою картину церковнаго безсилія, полнаго растройства церковной жизни.

Мыслима-ли при этихъ условіяхъ православная миссія?—Разумѣется, нѣтъ, и виноваты въ этомъ тѣ, кто противится осуществленію великихъ Царскихъ словъ, кто въ пренебреженіи къ паствѣ не хочетъ сдѣлать ее участницею въ церковной жизни хотя бы въ слабой степени,

Итакъ, разстройство церковной жизни дѣлаетъ православія безсильнымъ въ его борьбѣ съ сильнѣйшею организаціею магометанской общины, дѣлаетъ православную миссію среди магометанъ почти невозможною.

VII.

Мы указали, что церковная жизнь православныхъ инородцевъ требуетъ коренной реформы, вѣрнѣе—требуетъ своего благоустроенія; и пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ не мыслимо вліяніе православія на общую магометанскую массу и до тѣхъ поръ будетъ вліяніе, какъ разъ обратное, нынѣ наблюдаемое: отатариваніе инородцевъ.

Переходимъ къ обсужденію школьныхъ нуждъ среди инородческаго населенія.

Здѣсь приходится сказать то, что уже отмѣчено въ печати: это закрытіе православныхъ школъ среди инородцевъ всего русскаго Востока, гдѣ эти школы вносили русскую гражданственность; за послѣдніе годы русской безтолковщины эти крошечные разсадники русской гражданственности и русскаго языка закрыты въ громадномъ количествѣ за недостаткомъ средствъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Между тѣмъ, люди, занимающіеся статистикою и изслѣдующее бытъ инородцевъ, утверждаютъ, что общее количество магометанскихъ религіозныхъ школъ втрое превышаетъ количество школъ среди русскаго православнаго населенія. И при такомъ положеніи дѣлъ мы свои школы русскаго типа—закрываемъ ..

По правдѣ сказать: если бы это была фантазія, то это—злая фантазія! Если бы до этого допустили пра-

вославную миссію враги Россіи, то худшаго для Россіи они, разумѣется, не могли бы сдѣлать. Такъ поступаютъ злые австрійскіе нѣмцы въ Босніи и Герцеговинѣ, уничтожая славянскія школы и открывая свои нѣмецкія или допуская іезуитскія.

Въ это безконечно печальное для православной миссіи время, когда средствъ духовнаго вѣдомства было такъ мало для самыхъ неотложныхъ нуждъ миссіи, глубоко патріотическое дѣло сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія, замѣнивъ миссіонерскія школы своими по типу инородческихъ школъ, выработанныхъ Ильминскимъ. Кромѣ того, въ самыхъ опасныхъ для русскаго дѣла пунктахъ были открыты тѣ же министерскія школы, ставшія въ такихъ мѣстахъ опорными пунктами для истинно-русскаго православнаго просвѣщенія. Плоды дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія настолько уже и сейчасъ замѣтны, напр., въ Мамадышскомъ уѣздѣ, что смѣло можно говорить о спасеніи нѣсколькихъ тысячъ христіанъ отъ татарскаго ига нравственнаго и умственнаго именно чинами этого министерства. Это—великая его заслуга предъ русскимъ государствомъ въ спасеніи многихъ его истинныхъ сыновъ отъ перехода въ противоположный лагерь враговъ русской государственности.

Кромѣ этой громадной заслуги казанскаго учебнаго округа предъ Россіею и православною Церковью, мы должны отмѣтить, что наличному составу управленія округомъ принадлежитъ и великая мысль объ изданіи періодическаго органа печати, который обслуживалъ бы и освѣщалъ потребности православно-русскаго дѣла среди приволжскихъ инородцевъ. Въ существѣ дѣла—это вопіющая ненормальность: громадный край съ двадцатимилліоннымъ населеніемъ, съ совершенно своеобразнымъ

бытомъ, міровоззрѣніемъ, очень не похожимъ на міровоззрѣніе русскаго народа,—такой громадный районъ остается очень мало извѣстнымъ для самихъ русскихъ дѣятелей, не говоря уже о такихъ представителяхъ русскаго народа, какъ члены Государственной Думы. Такое положеніе Приволжья чрезвычайно опасно для русской государственности, тѣмъ болѣе что даетъ поводъ думать, будто у насъ въ Приволжьѣ среди объединяющихся подъ главенствомъ татаръ инородцевъ-магометанъ все благополучно. На дѣлѣ же происходитъ объединеніе „лойяльныхъ“ враговъ русской народности—въ количествѣ населенія средняго государства, расположеннаго на огромной площади въ нѣсколько среднихъ государствъ... Это-ли не великая опасность?! Мы говоримъ, что это—„лойяльные враги“. И это несомнѣнно: вся татарско-магометанская интеллигенція, представители которой устраиваютъ съѣзды, посылаютъ телеграммы (то персидскому парламенту, то константинопольскимъ младо-туркамъ),—эта интеллигенція сплошь, безъ исключенія, наши младо-турки (такъ-называемые новометодисты), величайшіе и совершенно неизмѣнные друзья нашихъ кадетъ, органически съ ними неразрывные. Между тѣмъ, объ этомъ никто ничего не знаетъ, кромѣ десяти—двадцати человѣкъ. Вѣдь безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что за міромъ ислама, за политическими движеніями среди магометанъ слѣдятъ не болѣе этихъ двадцати человѣкъ спеціалистовъ. И болѣе, кромѣ нихъ, никто ничего не знаетъ!

Эту уродливость въ нашей государственной жизни отмѣтили въ казанскомъ учебномъ округѣ, возбудивъ ходатайство объ изданіи періодическаго печатнаго органа, который обслуживалъ бы Приволжскій край со стороны развитія въ немъ русскаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію,

сравнительно ничтожныхъ средствъ на это безусловно полезное дѣло у насъ тоже не нашлось... Тогда управленіе округа стало издавать при казенныхъ „Циркуляхъ по каз. уч. округу“ приложенія, которыя такимъ образомъ и являются первымъ печатнымъ органомъ, дающимъ русской администраціи хотя краткія принципіальныя указанія въ ихъ отношеніяхъ къ инородцамъ.

Кстати упомянемъ здѣсь о прекрасномъ патріотическомъ журналѣ: „Окраины Россіи“. Но этотъ органъ очень мало касается вопросовъ Приволжья и не всегда вѣрно ихъ освѣщаетъ,—не всегда оказывается вѣрнымъ системѣ Ильминскаго.

Таково положеніе православія и русскаго просвѣщенія въ Приволжьѣ вообще,—таковы условія дѣятельности русскаго православнаго духовенства и русскаго просвѣщенія среди магометанъ.

А какова дѣятельность этихъ послѣднихъ, постараемся кое что сообщить въ слѣдующій разъ.

VIII.

Мы дошли до изложенія средствъ и способовъ объединенія тюркскихъ племенъ Приволжья, т. е. созданія россійскаго Тюркистана. Мы ранѣе уже сказали, что откуда-то (едва-ли не отъ г. Гаспринскаго) издано распоряженіе всѣмъ инородцамъ тюркскаго корня такъ себя вездѣ и именовать „тюрками“.

Это, конечно,—очень просто, остроумно и легко, а въ то же время и очень осуществимо.

За этою реформою въ инородческомъ самосознаніи идутъ теперь энергичныя попытки создать единый „тюрк-

ско татарскій“ языкъ, о существованіи котораго доложили въ Государственной Думѣ члены магометанской фракціи. Замѣчательно, что въ Думѣ никто ни слова не могъ на это возразить,—настолько наши законодатели въ этомъ вопросѣ не освѣдомлены. Между тѣмъ, этотъ „тюркско-татарскій“ языкъ чисто политическая антирусская выходка нашихъ младо-турокъ, такъ-называемыхъ новомстодистовъ. Такого языка нѣтъ, но онъ очень желателенъ нашимъ создателямъ Тюркистана. И этотъ языкъ создаютъ всѣ издатели русскихъ татарскихъ газетъ. Этихъ газетъ въ Россіи издается нѣсколько десятковъ, да получается изъ-за границы около сотни... Такимъ образомъ, во всемъ Приволжьи получастся приблизительно такая картина, какъ въ Казани; а здѣсь издаются: одна русская газета—монархическаго направленія, двѣ газеты русскія—запоздалыя отродья революціи и пять газетъ—татарскихъ, издающихся арабскою трансскрипціею, изъ которыхъ самая правая—кадетствующая, а остальныя „тюркско-татарскаго“ направленія, пропитанныя искреннею непріязнью къ Россіи. И нужно еще отмѣтить, что вся эта литература остается почти вовсе недоступною для русской администраціи, которая сверху до низу не знаетъ татарскаго языка и чувствуетъ себя въ лабиринтахъ этого Тюркистана совсѣмъ не какъ дома. И на этой почвѣ создается масса крупнѣйшихъ ошибокъ въ отношеніи внутренней нашей политики: создается такое положеніе вещей, когда татары въ своихъ школахъ начинаютъ мечтать о преподаваніи турецкаго языка, вмѣсто русскаго!! А русскія власти въ отвѣтъ на это—очень мило расшаркиваются предъ создателями русскаго Тюркистана и говорятъ: „ну ужъ это не слишкомъ-ли?! Впрочемъ,—только безъ шуму! .“ Параллельно же съ этимъ октябристскія земства пишутъ проекты о пере-

дачѣ надзора въ инородческихъ школахъ въ руки самихъ инородцевъ, т. е. и магометанъ!.. Картина получается прекрасная! А въ разсчетѣ только на это полное невѣжество русской администраціи и создается возможность такихъ татарскихъ проектовъ, какъ передача магометанскихъ школъ всѣхъ тюркскихъ племенъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенія. Остроумнѣе этого съ татарской точки зрѣнія ничего нельзя придумать, но и нельзя предположить болѣе вреднаго школьнаго проекта съ русской точки зрѣнія.

Дѣло въ слѣдующемъ. Пока эти школы находятся въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, до тѣхъ поръ онѣ разъединены на три учебныхъ округа, подчинены директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ; и хотя среди этихъ послѣднихъ почти вовсе нѣтъ знающихъ инородческіе языки, но, во всякомъ случаѣ, въ распоряженіи гг. попечителей округа имѣются средства добиться извѣстнаго знакомства съ тою или другою школою. Впрочемъ, нужно замѣтить, что командированный министерствомъ народ. просвѣщ. въ Казань въ 1905 г. А. С. Будиловичъ—такъ и не могъ добиться, чтобы его познакомили съ однимъ казанскимъ медрессе (гимназіею): предъ нимъ просто-на-просто запирали дверь!

Представьте себѣ теперь агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ положеніи инспекторовъ этихъ медрессе... Безъ знанія языка, безъ знакомства съ программами, рѣшительно безъ всякихъ познаній въ области ислама, что могутъ сдѣлать эти будущіе наблюдатели,—становые пристава,— съ татарскими школами?! Но замѣтить нужно, что и Оренбургское духовное управленіе находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ

дѣлъ... Такимъ образомъ, весь татарскій проектъ о передачѣ школъ изъ одного вѣдомства въ другое (какая, повидимому, невинность!) въ существѣ дѣла есть проектъ объ упраздненіи всякаго правительственнаго контроля падъ татарскими школами и передачѣ ихъ управленія въ однѣ надежныя руки—въ Уфу, въ будущее тюркистанское министерство.

Можно-ли о такомъ проектѣ серьезно говорить? Можно-ли его серьезно разбирать? А между тѣмъ, опасность этой татарской затѣи едва-ли миновала.

Возращаемся къ литературной дѣятельности татаръ. Она нынѣ достигла большого напряженія: получается изъ-за границы (изъ Турціи) и печатается въ Россіи въ общей сложности болѣе ста изданій. А существуетъ-ли цензура? Оффиціально она существуетъ, но ея нѣтъ по очень простой причинѣ: нѣтъ людей, знающихъ восточные языки.

Такихъ знатоковъ не болѣе десяти на всю Россію, и имъ нѣтъ ни малѣйшей возможности знать все то очень вредное и клеветническое, что пишутъ татары о православной Руси и о Руси вообще. А пишутъ они очень много и очень зло. Вотъ интересный образецъ: въ настоящее время въ Казани да, несомнѣнно, и за ея предѣлами распространяется татарская книжка подъ заглавіемъ „Христіанская праведница“ или что-то въ этомъ родѣ. Въ этой брошюркѣ изображена жизнь Маріи Египетской, до ея исправленія, т.-е. Маріи—великой грѣшницы. Что же это такое, какъ не величайшая клевета на христіанство, какъ не злостное издѣвательство надъ православною Русью?! Описана жизнь порочной женщины и издана какъ житіе святой... Это-ли не гнусный обманъ? И это, разумѣется, совершенно невозможное явленіе на русскомъ языкѣ оказывается страш-

нымъ фактомъ, возможнымъ для „татарско-тюркскаго“ языка... А цензура?! Да ея нѣтъ, она не можетъ вездѣ поспѣть... А общая администрація?!—Да она ничего не понимаетъ: для нея татарская грамота—никакъ не лучше китайской!

Таково положеніе христіанства и православія предъ лицомъ неразборчиваго въ средствахъ татарства.

Читатель, быть можетъ, спроситъ: да зачѣмъ же у насъ существуютъ татарскія газеты и арабскій шрифтъ ихъ? Отвѣтъ одинъ: и то, и другое необходимо нашимъ младо-туркамъ, какъ средства недопустить сліянія татаръ съ коренною Россіею. Если бы не было этихъ сепаратистскихъ газетъ татарскихъ туркофиловъ, то, разумѣется, школьники-татарчата потребовали бы отъ своихъ учителей основательнаго знанія русскаго языка, а это открыло бы имъ и путь къ русской книгѣ и просвѣщенію. А теперь, при попустительствѣ русской власти и младенческомъ ея непониманіи всего инородческаго дѣла, создается татарская и пан-тюркская народности при искусственно насаждаемой татарской публицистикѣ, очень жалкой, темной, но злой и фанатичной. Собственно говоря, простое человѣколюбіе, простая жалость къ юношеству татарскому должны бы указать и русской администраціи, и татарскимъ педагогамъ на необходимость знать русскій языкъ всѣмъ людямъ, живущимъ въ Россіи, и внушить эту мысль татарчатамъ,—однако мы на дѣлѣ видимъ нѣчто обратное.

Заканчивая настоящую замѣтку о вредныхъ явленіяхъ и средствахъ пан-тюркской пропаганды въ Россіи, дѣлаемъ выписку изъ докладной записки, поданной нами въ Петербургѣ въ январѣ 1908 года, въ которой указывались нѣкоторые недосмотры нашей администраціи, вредные для православной Руси. Замѣчательно, что сама администрація русская, какъ бы помогаетъ объеди-

ненію тюркскихъ племенъ подъ общимъ главенствомъ татаръ. Вотъ что мы писали въ 1908 году по этому поводу:

1) Всѣ законы и разъясненія, трактующіе о возможности отпаденія отъ православія, должны быть изложены безукоризненно точно и должны примѣняться ни въ какомъ случаѣ не въ формѣ „указовъ Его Императорскаго Величества". Эта форма приводитъ инородцевъ въ самое тяжелое недоумѣніе: они понимаютъ, что „по Указу", т. е. по желанію, по приказу Самого Царя, происходитъ то или иное отпаденіе отъ православія. И оказывается уже въ данныхъ случаяхъ не свобода совѣсти, а насиліе надъ немощными совѣстями инородцевъ: крещеныхъ и некрещеныхъ, которымъ магометане толкуютъ, что Царь приказываетъ имъ принимать исламъ и потому и далъ свободу пропаганды магометанства среди язычниковъ. 2) Такъ какъ такое насиліе въ видѣ соблазна и издѣвательства надъ православіемъ можно наблюдать среди фанатичныхъ татаръ и особенно, когда они являются должностными лицами среди инородцевъ, то нужно воспретить доступъ татаръ-магометанъ въ число должностныхъ лицъ къ киргизамъ, башкирамъ, вотякамъ и пр. Мулла-киргизъ и мулла-татаринъ—это два дѣятеля, почти противоположные по своему настроенію къ Россіи: первый—только киргизъ, иногда благодарный Россіи и тяготѣющій къ ней; второй—непремѣнно сепаратистъ, создатель Тюркистана. Поэтому, татары должны утверждаться въ должности муллъ только среди татаръ и не должны допускаться къ другимъ инородцамъ—во имя свободы совѣсти и соблюденія государственныхъ интересовъ. 3) Вообще въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ выборныя должностныя лица должны быть не магометане-татары, которые въ

союзѣ съ муллами всегда пользуются своимъ положеніемъ для пропаганды ислама и всегда предпочитаютъ интересы единовѣрцевъ предъ интересами христіанъ вотяковъ, черемисъ, чувашъ и даже русскихъ; въ такихъ мѣстахъ должны быть дѣятели непременно русскіе люди, по крайней мѣрѣ, безпристрастные.

IX.

Что же нужно еще для борьбы съ исламомъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи? Кромѣ перéчисленныхъ мѣръ, еще нужно знаніе, нужно изученіе этого ислама. Такому изученію, хотя еще и поверхностному, можетъ служить трудъ Вл. Череванскаго—„Міръ ислама и его пробужденіе“. Эта прекрасная книга, равно какъ и другія замѣтки г. Череванскаго сдѣлали бы великую пользу, если бы пожеланія автора были исполнены тѣми русскими дѣятелями, кому ввѣрены судьбы русскаго дѣла въ Приволжьи.

Вмѣстѣ съ этими произведеніями нужно отмѣтить чрезвычайно цѣнный трудъ покойнаго А. С. Будиловича —„Отчетъ о командировочной поѣздкѣ въ Казанскій, Оренбургскій и Западно-Сибирскій округа“. Это прекрасный обзоръ существующаго въ связи съ изложеніемъ того, что должно существовать. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Будиловича отпечатанъ „на правахъ рукописи“, и его громадный матеріалъ погребенъ въ соотвѣтствующихъ канцеляріяхъ.

Мы сошлемся на этотъ трудъ, поскольку выводы изъ нашихъ замѣтокъ совпадаютъ съ самыми цѣнными страницами „отчета“ Будиловича.

Выше указано, въ какомъ жалкомъ, почти безпомощномъ положеніи находится наша русская администрація среди приволжскихъ инородцевъ безъ знанія ихъ языковъ. Если при такихъ условіяхъ русскій чиновникъ окажется недостаточно чуткимъ къ велѣніямъ служебной этики или, проще говоря, спокойно будетъ относиться къ своему положенію вреднаго для дѣла человѣка, то его жизнь будетъ беззаботнымъ препровожденіемъ времени съ аккуратнымъ полученіемъ жалованья. Но, если кто относится болѣе строго къ себѣ и къ возложеннымъ на него обязанностямъ, то оказывается чистымъ мучеником,—онъ очень мало видитъ и ничего не слышитъ! И вотъ въ положеніи такого уродства ему и приходится проводить свою жизнь... Таково положеніе,—воистину трагическое,—чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ, народн. просвѣщенія и, къ сожалѣнію, также служителей Церкви.

Что же? какой выходъ изъ такой жизненной русской путаницы?

Этотъ выходъ указывалъ покойный Будиловичъ, горячо поддержавъ мысль, уже имѣвшуюся въ министерствѣ народн. просвѣщенія, о необходимости учрежденія русской школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ. Онъ писалъ: „никто не станетъ отрицать, что Россія образуетъ какъ бы мостъ изъ Европы въ Азію; что она имѣетъ въ своей средѣ многіе милліоны инородцевъ тюркскаго корня, соприкасающихся въ Азіи еще съ большимъ числомъ представителей этой огромной племенной группы; что слѣдовательно, изученіе языка, быта, исторіи и вѣрованій всѣхъ этихъ и смежныхъ восточныхъ народовъ представляетъ для насъ глубокій интересъ и теоретическій, и практическій; что въ этомъ изученіи мы отстали даже отъ нѣкоторыхъ западныхъ

народовъ и что приспѣло, наконецъ, время наверстать этотъ пробѣлъ, чтобы не натолкнуться на Востокѣ Ближнемъ и Среднемъ на еще болѣе опасныя неожиданности, чѣмъ тѣ, съ какими мы встрѣтились на Востокѣ Дальнемъ". — „Я думаю, —продолжалъ Будиловичъ, — что такихъ школъ по назрѣвающимъ нынѣ потребностямъ нашей внутренней и международной жизни должно быть основано какъ можно болѣе съ размѣщеніемъ ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть примѣсь соотвѣтственныхъ населеній, каковы Одесса, Тифлисъ, Ташкентъ, Томскъ, Иркутскъ и пр."

Такъ горячо А. С. Будиловичъ раздѣлялъ мысль бывшаго попечителя оренбургскаго учебнаго округа Н. А. Бобровникова о необходимости изученія восточныхъ нарѣчій людьми, желающими служить русскому дѣлу среди инородцевъ.

Однако, проектированныхъ школъ, конечно, и доселѣ не основано ни одной: русская администрація обречена и въ будущемъ по прежнему чувствовать себя въ смѣшномъ положеніи людей, не знающихъ, что имъ дѣлать.

Между тѣмъ стоитъ обратить достодолжное вниманіе хотя бы на казанскіе миссіонерскіе курсы и хоть немного расширить ихъ программу, чтобы и они на первыхъ порахъ сослужили великую службу.

Сейчасъ они такъ малы по программѣ и убоги по внѣшней обстановкѣ, что не удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ даже и одно духовное вѣдомство. А если бы дополнить ихъ программу, усилить практическую подготовку къ миссіи учащихся и увеличить количество ихъ, то они выпускали бы достаточное количество и добрыхъ миссіонеровъ священниковъ, и надежныхъ учителей просвѣтителей инородцевъ. А въ параллель къ этимъ

курсамъ можно создавать подобныя же практически необходимыя школы и для другихъ вѣдомствъ.

Но остановимся нѣсколько подробнѣе на миссіонерскихъ курсахъ. Это—единственное миссіонерское учрежденіе въ Россіи: была еще одна миссіонерская Александровская семинарія на Сѣверномъ Кавказѣ, но послѣ того, какъ на кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ обнаруженъ былъ недостатокъ миссіонеровъ, она была черезъ три—четыре мѣсяца обращена въ семинарію „общаго типа“... Итакъ, остались одни миссіонерскіе курсы. Но они занимаютъ помѣщеніе настолько неудобное, они обстановлены такъ бѣдно, можно сказать, прямо нищенски,—они такимъ тяжкимъ бременемъ ложатся на бюджетъ Спасо-Преображенскаго монастыря, который ихъ содержитъ, что простая справедливость требуетъ оказать имъ помощь. Между тѣмъ, слушатели миссіонерскихъ курсовъ трудятся не только по всему Приволжью во всѣхъ епархіяхъ, но и во всѣхъ миссіяхъ несутъ они тяжелый подвигъ миссіонерскаго служенія: въ Пекинѣ—архимандритъ Авраамій, въ Кореѣ—іеромонахъ Вароломей, на Камчаткѣ—іеромонахъ Несторъ, въ Уссурійскомъ краѣ—іеромонахъ Арсеній, въ Обдорскѣ—іеромонахъ Климентъ, въ Америкѣ—іеромонахъ Амфилохій и пр. А помѣщаются эти бѣдные курсы въ такой обстановкѣ, которая только разстраиваетъ здоровье учащихся—иногда безъ надежды на возстановленіе. Кромѣ того, курсы должны выпускать не по 25 человѣкъ ежегодно, а, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе. Тогда не было бы приходовъ, гдѣ священникъ или псаломщикъ не понимаютъ языка своей паствы и тяготятся ею; тогда былъ бы и выборъ при замѣщеніи священнослужительскихъ мѣстъ, а пока замѣчается только ихъ недостатокъ. Итакъ, и курсы нужно увеличить втрое и открыть вышеупомяну-

тыя школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ.

X.

Ранѣе было указано уже въ настоящихъ статьяхъ, что магометане представляютъ изъ себя одну сплоченную, одушевленную до фанатизма религіозную массу; всѣ они—миссіонеры, и способы ихъ пропаганды безконечно разнообразны и по своему остроумны; ямщикъ—татаринъ, сидя на козлахъ и проѣзжая тамъ, гдѣ доступъ татарамъ воспрещенъ, говоритъ инородцамъ объ исламѣ, о Магометѣ; татаринъ, торговецъ краснымъ товаромъ, мануфактурой, подъ своими тряпками несетъ религіозныя магометанскія книги и прошенія (отпечатанныя!) на имя мѣстнаго губернатора объ отчисленіи отъ православія; татаринъ, содержатель постоялаго двора, всегда можетъ краснорѣчиво говорить о вѣрѣ и всегда знаетъ, кому что нужно сказать... И такъ вездѣ и всегда! Вотъ, что дѣлаетъ религіозная община, вотъ какъ она одушевляетъ, организуетъ, дисциплинируетъ ту массу, которая хочетъ быть сильною. И умному, правовѣрному мусульманину во снѣ не приснится быть ослушникомъ общественнаго приговора, въ чемъ-нибудь не послушать постановленіи или желаній прихода: магометанскій приходъ постоитъ за себя, а для провинившагося самое тяжелое наказаніе—отлученіе отъ міра, отъ общины.

А русскіе? А они какъ чувствуютъ себя въ отношеніи приходской жизни, внутренняго своего быта?

Да никакъ!—Это—галдящая, кричащая, безтол-

ковая толпа, никѣмъ не руководимая и ничѣмъ не одушевленная. А община, а русскій православный приходъ?

Стыдно сказать: сами руководители церковной жизни въ Россіи противятся развитію приходской жизни, чего то боятся! Боятся лишняго безпокойства,—такъ мы привыкли къ покою бездѣйствія, къ покою клерикальнаго сибаритства, къ покою медленнаго духовнаго вымиранія. Тяжкое положеніе!.. И поэтому у насъ нѣтъ достаточнаго количества порядочныхъ миссіонеровъ даже и за деньги, а у другихъ вѣроисповѣданій оказываются всѣ, въ своемъ родѣ, миссіонерами: всѣмъ интересна жизнь своего духовнаго дома, своей духовной семьи, и у всѣхъ эта семья существуетъ,—только у насъ ея нѣтъ!.. Всѣ у насъ разъединены, ни у кого ничего нѣтъ въ духовной и церковной жизни общаго... Всѣ разъединены, и въ маломъ, и въ большомъ,—и въ приходской жизни, и въ другихъ отношеніяхъ.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе разъединеніе приволжскихъ епархій въ дѣлѣ миссіи среди отдѣльныхъ народностей—черемисъ, татаръ, чувашей и пр. Тутъ нѣтъ между отдѣльными епархіями ничего общаго, и въ одной епархіи неизвѣстно, что дѣлается въ другой. А дѣятелей вообще такъ мало, что обмѣнъ даже дурныхъ слугъ миссіи, даже порочныхъ происходитъ между епархіями безпрепятственно, и, конечно, ко вреду дѣла...

Возьмемъ миссію среди татаръ; это—миссія самая боевая и самая опасная, въ виду сильнѣйшей сплоченности магометанства. И оказывается, что сдѣланное въ казанской епархіи, совершенно неизвѣстно рядомъ въ пятидесяти верстахъ, въ смежной епархіи,—и тамъ крещеные татары лишены тѣхъ богослужебныхъ книгъ, которыми пользуются ихъ единоплеменники въ другомъ

мѣстѣ; а уже о такихъ отдаленныхъ епархіяхъ, какъ оренбургская, туркестанская—и говорить ничего: тамъ дѣятельность Казани извѣстна становится только съ годами или совершенно случайно (напр., захвораетъ у батюшки-миссіонера матушка, нужно лѣчить у казанскихъ профессоровъ; вотъ батюшка и ѣдетъ съ нею, а вмѣстѣ съ тѣмъ знакомится и съ миссіею казанскою).

Съ другой стороны, казанская миссія—въ такомъ же почти положеніи находится въ отношеніи черемисской миссіи. Послѣдняя лучше организована, напр., въ Уфимской губ., но какъ воспользовиться опытомъ уфимской миссіи для казанской,—это очень большой вопросъ. И такъ—вездѣ. Иначе говоря: если бы кто-нибудь взялъ за себя трудъ разстроить дѣло православной миссіи среди приволжскихъ епархій, то это оказалось бы невозможнымъ,—такъ это разстроено и запущено уже само по себѣ.

Но въ нѣкоторыхъ епархіяхъ поднимается еще интересный вопросъ: должно-ли епархіальное духовенство содѣйствовать дѣлу миссіи и миссінерствовать? Этотъ вопросъ разбирается очень серьезно и обстоятельно; и это дѣлается передъ лицомъ магометанства, среди котораго каждый извозчикъ является миссіонеромъ. У насъ имѣется чрезвычайно интересное (и обидное до слезъ) мнѣніе одного члена консисторіи въ одной изъ важнѣйшихъ миссіонерскихъ епархій. Вотъ это характерное мнѣніе: „возлагать миссіонерскія обязанности на приходское духовенство, кажется, прямо невозможно... Если епархіальное духовенство не можетъ справиться со своею обязанностью просвѣщать своихъ православныхъ прихожанъ, то зачѣмъ еще налагать на него лишнее время? Если бы даже на приходское духовенство и было возложено такое обязательство, то съ увѣренностью можно

сказать, что изъ этого ничего не выйдетъ. Нерадиваго, все равно, не заставишь,—а иной и радъ бы заняться этимъ, но нѣтъ къ этому ни знанія, ни умѣнія". Такъ пишетъ вліятельный членъ консисторіи! Особенно здѣсь хорошо дѣленіе духовенства на нерадивое и ничего не знающее.....

Неужели оно и должно быть нерадивымъ? И неужели у духовенства вообще -- менѣе „знанія и умѣнія", чѣмъ у чернорабочихъ магометанъ?

И такой взглядъ на духовенство и его способность къ миссіи пресерьезно присланъ на обсужденіе миссіонерскаго съѣзда!.. Что же послѣ этого обсуждать?

Изъ всего вышесказаннаго, кажется, съ неопровержимостью явствуетъ, какъ необходимъ большой съѣздъ всѣхъ русскихъ дѣятелей среди инородцевъ. Этотъ большой съѣздъ долженъ намѣтить общіе принципы будущей дѣятельности. Послѣ него должны быть собраны съѣзды болѣе мелкіе по епархіямъ съ приглашеніемъ на нихъ дѣятелей миссіи среди той или другой народности ближайшихъ епархій. При такомъ объединеніи различныхъ миссій по языку можно надѣяться на дружный общими соединенными силами отпоръ ихъ магометанству.

Но еще до съѣзда общаго долженъ бытъ основанъ хоть маленькій печатный органъ, который подготовилъ бы матеріалы для будущаго съѣзда. Это было бы чрезвычайно полезно для дѣла.

А такого печатнаго изданія у насъ нѣтъ, потому что наше разъединеніе лишило насъ всякой энергіи. Можно смѣло утверждать, что на всемъ востокѣ Россіи миссія—самое больное мѣсто; между тѣмъ ни у кого не находится достаточно инициативы, чтобы объединить разрозненныя силы хотя бы около редакціи миссіонерскаго журнала.

Есть, впрочемъ, у насъ должность—очень важная, имѣющая возможность объединить разрозненныя миссіонерскія силы въ районѣ десяти епархій Приволжья, по лицо, занимающее эту должность, въ настоящее время изучаетъ бытъ Маньчжуріи и сѣвернаго Китая.

Теперь миссіонерамъ приволжскимъ и приходится ждать, когда это лицо изучитъ Маньчжурію и пріѣдетъ объединять русскихъ дѣятелей среди приволжскихъ инородцевъ. И приходится ждать! Quousque tandem?

XI.

Когда былъ поднятъ вопросъ о съѣздѣ русскихъ дѣятелей Приволжья имѣющихъ отношеніе къ христіанскому просвѣщенію инородцевъ, то братство свят. Гурія имѣло поводъ первымъ откликнуться на это доброе дѣло и выработало свой проэктъ занятій будущаго съѣзда. Это было въ октябрѣ 1908 года. А въ ноябрьской книжкѣ „Циркуляровъ по казанскому учебному округу“ былъ отпечатанъ этотъ проэктъ съ призывомъ дополнить его и исправить, если бы кто пожелалъ и нашелъ это полезнымъ для дѣла.

Этотъ проэктъ былъ принятъ и цѣликомъ одобренъ компетентнѣйшими знатоками ислама и быта магометанъ —русскими дѣятелями Туркестана.

Вотъ этотъ проэктъ.

Программа занятій съѣзда дѣятелей по христіанскому инородческому просвѣщенію въ г. Казани, выработанная совѣтомъ братства свят. Гурія.

I.

Выясненіе современнаго религіозно-нравственнаго состоянія инородцевъ.

1. Историческое прошлое въ жизни русскихъ инородцевъ вообще и крещенныхъ инородцевъ въ частности. Исторія христіанскаго просвѣщенія инородцевъ. Современное положеніе крещеныхъ инородцевъ, ихъ отношеніе къ русскимъ. Религіозно нравственное состояніе крещеныхъ и некрещеныхъ инородцевъ; какія и чьи вліянія они нынѣ испытываютъ на себѣ.

2. Современное состояніе инородческаго прихода; положеніе крещеныхъ инородцевъ среди магометанъ, язычниковъ и отступниковъ отъ православія и безпомощность первыхъ въ юридическомъ отношеніи.

3. Какія новыя теченія наблюдаются среди некрещеныхъ инородцевъ Россіи; откуда они происходятъ и подъ чьимъ руководствомъ они принимаютъ то или другое направленія; новыя образовательныя движенія въ школахъ некрещеныхъ инородцевъ (три типа такихъ школъ) и возможность наблюденія надъ этими движеніями?

4. Чѣмъ объясняется активное, хотя и неравномѣрное по разнымъ епархіямъ, наступленіе иновѣрія на православіе? Пропаганда ислама и организація этой пропаганды, способы и средства ея; татаризація инородцевъ и значеніе ея въ государственномъ значеніи.

5. Татарско-мусульманская періодическая пресса и

книгоиздательская дѣятельность и отношенія ея къ инородческому вопросу.

6. Заграничное литературно-политическое воздѣйствіе на некрещеныхъ инородцевъ Россіи (особенно въ Крыму и на Кавказѣ).

7. Значеніе цензоровъ магометанской печати: организація этой цензуры.

8. Стремленіе магометанъ къ реорганизаціи духовныхъ правленій и отношеніе правительства къ этому движенію.

II.

Современное христіанское просвѣщеніе инородцевъ.

1. Система инородческаго просвѣщенія Н. И. Ильминскаго и значеніе ея въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщеніе инородцевъ: всегда-ли примѣнялась она надлежащимъ образомъ въ разныхъ вѣдомствахъ,—плоды ея примѣненія въ разныхъ епархіяхъ и учебныхъ округахъ.

2. Школьное дѣло среди инородцевъ; школы различныхъ типовъ и вѣдомствъ. Значеніе школьнаго преподаванія Закона Божія въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и желательная постановка его.

3. Воздѣйствіе духовенства на инородческія массы и необходимыя условія для этого.

4. Церковно-приходская жизнь инородческихъ приходовъ и развитіе въ нихъ приходскихъ организацій; какъ и въ какой мѣрѣ осуществлены правила объ устройствѣ миссій, утвержденныя Святѣйшимъ Синодомъ 20—25 мая 1908 года.

5. Состояніе церковной дисциплины и обрядности: искорененіе обрядовъ и обычаевъ, чуждыхъ христіанству и имѣющихъ языческое или магометанское происхожденіе.

6. Состояніе издательской дѣятельности по отдѣльнымъ епархіямъ для просвѣщенія инородцевъ въ противовѣсъ магометанскимъ изданіямъ какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на татарскихъ нарѣчіяхъ.

III.

Какъ можно расширить и организовать кругъ дѣятелей по инородческому просвѣщенію и улучшить положеніе инородческаго духовенства и учителей?

1. Современное матеріальное положеніе инородческаго духовенства и способы къ его улучшенію; привлеченіе въ инородческіе приходы лучшихъ кандидатовъ священства.

2. Матеріальное положеніе учителей инородческихъ школъ и средства къ его улучшенію.

3. Участіе учителей инородческихъ школъ въ веденіи религіозно-нравственныхъ бесѣдъ со взрослыми инородцами.

4. Привлеченіе къ церковно-просвѣтительной дѣятельности всѣхъ желающихъ отдать ей свои силы.

5. Устройство временныхъ занятій, курсовъ съ простецами-ревнителями православія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ; устройство районныхъ кратко-временныхъ пастырскихъ, учительскихъ и под. курсовъ.

6. Устройство молитвенныхъ домовъ, подвижныхъ храмовъ и т. п.

7. Устройство проповѣдническихъ кружковъ и публичныхъ бесѣдъ.

8. Объединеніе инородческихъ епархій въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, напр.; въ отношеніи изданія органа печати, посвященнаго вопросамъ инородческаго дѣла и проч.

9. Районная организація просвѣщенія среди инородцевъ одного языка, разбросанныхъ по разнымъ епархіямъ.

10. Организація миссій при мужскихъ и женскихъ монастыряхъ.

11. Преобразованіе казанскихъ двухгодичныхъ миссіонерскихъ курсовъ съ увеличеніемъ программы и продолжительности курса ученія до четырехгодичнаго; учрежденіе стипендій на миссіонерскихъ курсахъ отъ инородческихъ епархій; усиленіе объема преподаванія востоковѣдѣнія. Устройство особыхъ классовъ изученія восточныхъ языковъ и учрежденіе новыхъ школъ по образцу инородческихъ центральныхъ по системѣ Ильминскаго; значеніе для миссіонерскихъ цѣлей церковно-учительскихъ школъ.

12. Обсужденіе какихъ-либо новыхъ пріемовъ противодѣйствія исламу.

Такіе вопросы совѣтъ Братства находилъ нужнымъ обсудить на будущемъ казанскомъ съѣздѣ. Къ сожалѣнію, этотъ съѣздъ отложенъ; отложено и объединеніе дѣятелей по христіанскому просвѣщенію инородцевъ и по охраненію ихъ отъ поглощенія исламомъ.

Но среди этого великаго несчастья христіанской миссіи тѣмъ ярче выдвигается свѣтлая дѣятельность казанскаго учебнаго округа въ нынѣшнемъ его составѣ.

Въ существѣ дѣла онъ одинъ, учебный округъ, и объединяетъ сейчасъ тѣхъ дѣятелей, которые служатъ обрусѣнію инородцевъ, т. е. дѣлу насажденія въ Приволжьи русской культуры.

Какъ членъ совѣта братства свят. Гурія, г. попечитель округа участвовалъ и въ выработкѣ программы для будущаго съѣзда. На этомъ съѣздѣ и предполагалось объединить всѣхъ безъ исключенія русскихъ дѣятелей въ одно крѣпкое органическое цѣлое (и церковныхъ дѣятелей и всѣхъ другихъ вѣдомствъ) и это объединеніе въ Казани признается такъ необходимымъ...

Когда-то оно будетъ? И эту замѣтку приходится закончить словами: и надолго-ли это объединеніе отложено?

XII.

Что же нужно для того, чтобы спасти инородцевъ для св. Церкви и для Россіи? Что нужно предпринять немедленно, если уже такое средство, какъ невинное обсужденіе церковныхъ нуждъ Приволжья, признано подлежащимъ отсрочкѣ?

—Нужно чье-либо огненное слово, которое воспламенило бы сердца русскія любовью къ Церкви, къ отечеству, къ несчастнымъ, погибающимъ братьямъ—инородцамъ. Но этого голоса нѣтъ и нѣтъ, и пѣтъ!

Тогда нужно что-либо вродѣ окружнаго посланія къ чадамъ св. Церкви: нужно упросить, умолить, обличая, запрещая, увѣщевая со всякимъ долготерпѣніемъ, но съ твердымъ намѣреніемъ добиться намѣченныхъ цѣлей въ исправленіи жизни среди православныхъ инород-

цевъ и самихъ русскихъ. Жизнь христіанина представляется магометанину, какъ „жизнь по черному“, т. е. безъ религіозныхъ обрядовъ, безъ молитвы,—какъ попало. Выписываю изъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ одной миссіонерской епархіи ужасную страничку: „Въ деревнѣ В. Л. есть упорный язычникъ А. Н., явно симпатизирующій магометанству. На мой вопросъ (пишетъ священникъ), почему онъ не крестится, А. Н. съ негодованіемъ отвѣтилъ: „чѣмъ принять вашу вѣру, я лучше пойду въ магометанство. Принять, такъ принять ту вѣру, которая мнѣ по душѣ, а ваша вѣра, хоть ты ее и хвалишь, мнѣ противна... У хорошей вѣры и послѣдователи должны быть хорошіе. О послѣдователяхъ же вашей вѣры, которыхъ я знаю съ малолѣтства, ничего не могу сказать, кромѣ дурного, потому что они родителей не почитаютъ, старшихъ ставятъ ни во что, хотятъ въ лжесвидѣтели, а потомъ въ пищу употребляютъ конину, хотя вашъ законъ запрещаетъ употреблять ее. О татарахъ же я ничего дурного не могу сказать, кромѣ похвальнаго: къ родителямъ почтительны, къ старшимъ вѣжливы, свой законъ исполняютъ строго“,—закончилъ внушительно мой собесѣдникъ“.

Что тутъ дѣлать? Какъ при такихъ условіяхъ миссіонерствовать?

Опять съ необходимостью возвращаемся къ тому, что нужно немедленно приступить къ организаціи приходской жизни. Очень нужно сильное окружное посланіе къ русскимъ и инородческимъ православнымъ пастырямъ, чтобы они собрали вѣрныхъ чадъ св. Церкви и начали понемногу устраивать церковную жизнь съ любовью и съ самопожертвованіемъ, а не съ желаніемъ во что бы то ни стало отстоять свой престижъ, нынѣ и безъ того не существующій. Трудъ самоотверженный, трудъ съ лю-

бовью, съ готовностью на незаслуженныя обиды, но съ вѣрою въ помощь Божію,—вотъ что нужно нашимъ пастырямъ; а не то, что рекомендуютъ русской Церкви недальновидные поклонники благонамѣренныхъ канцелярій, возводящіе недовѣріе къ паствѣ въ принципъ пастырской дѣятельности.

Второе посланіе, второй вдохновенный голосъ Церкви долженъ призвать всѣхъ чадъ Церкви въ церковную ограду. Этотъ голосъ долженъ быть твердъ, ясенъ; это долженъ быть голосъ вѣры и твердаго убѣжденія, что Церковь Христову не одолѣютъ врата адовы.

Но этотъ же голосъ долженъ указать и на язвы нашей церковной жизни и призвать всѣхъ къ молитвѣ и ко взаимной помощи, къ самоисправленію подъ руководствомъ пастырей.

Паства должна окружить своихъ пастырей и предложить имъ всю свою помощь.

Конечно, и епископы должны епископствовать не надъ кучами бумагъ, а надъ душами человѣческими, знать ихъ, сострадать имъ, помогать имъ, наставлять ихъ въ необходимости взаимной помощи...[1])

И если возстановленіе приходской жизни (или учрежденія ея) въ видѣ приходскихъ учрежденій и дарованіе приходу правъ юридическаго лица такъ безпокоитъ нашихъ пастырей, что они отрицаютъ необходимость всѣхъ этихъ учрежденій, то нынѣшній порядокъ вещей и его сохраненіе обѣщаютъ намъ полный покой, но только—вмѣстѣ съ полнымъ одиночествомъ. Въ казанской епархіи имѣется село, въ которомъ „осталась православною одна колокольня“ (вмѣстѣ съ православнымъ

---

[1]) По эту великую реформу можетъ произвести только будущій Соборъ...

ся сторожемъ); а въ этомъ селѣ полагается причтъ полный... Вотъ здѣсь ужъ, конечно, нельзя теперь завести приходской жизни среди отпадшихъ въ магометанство крещеныхъ татаръ,—и приходъ этотъ уже теперь не сдѣлать юридическимъ лицомъ! Всѣ разбѣжались.. И пастырь здѣсь можетъ быть идеально покоенъ. О такомъ -ли покоѣ іерархіи хлопочутъ наши противники приходской жизни, какъ будто бы ужъ очень безпокойной.

Между тѣмъ, если бы въ каждомъ уѣздномъ городѣ подъ руководствомъ епископовъ устроены были съѣзды съ выясненіемъ задачъ приходской церковной жизни, то это дѣло прекрасно, безъ ошибокъ двинулось бы впередъ. А сейчасъ или его нѣтъ, или оно ведется очень дурно.

Кромѣ обще-церковныхъ цѣлей, которыя должны осуществлять приходскія организаціи, въ инородческихъ епархіяхъ, гдѣ православные прихожане окружены со всѣхъ сторонъ иновѣрцами очень полезно устраивать со всѣми ревнителями православія религіозныя чтенія на нравственно догматическія темы. Это должны дѣлать пастыри подъ руководствомъ архипастырей, потому что пастыри организовать этого и не съумѣютъ да и слишкомъ мало имѣютъ авторитета, чтобы паства за ними пошла. Этотъ авторитетъ пастырскимъ начинаніямъ могутъ дать только архипастыри, и съ ихъ благословенія дѣло приходской жизни и можетъ наладиться.

За этими первыми шагами въ приходской жизни нужно принять самыя энергичныя мѣры ко введенію церковной дисциплины: до отлученій отъ св. причастія и до возстановленія дисциплины кающихся.

Это совершенно необходимо среди иновѣрнаго населенія, какъ магометанское. Иновѣрцы при нынѣшнемъ положеніи церковной дисциплины никакъ не могутъ оп-

редѣлить, въ чемъ же заключается церковная жизнь христіанъ, гдѣ она кончается и гдѣ начинаются преступленія противъ нея. Это поселяетъ въ средѣ иновѣрныхъ великій соблазнъ и отталкиваетъ болѣе немощныхъ отъ Церкви. Главное же, — нужно изъять изъ употребленія нетрезвость священнослужителей и считать ее отнынѣ за самый тяжкій порокъ; рядомъ съ безобразіемъ священнослутелей никакая миссія невозможна и, конечно, у такихъ излѣнившихся пастырей не возможенъ и расцвѣтъ приходской жизни. А, разумѣется, вѣдь, только отъ бездѣлья приходскаго и являются типы неисправимыхъ алкоголиковъ среди нашего духовенства; между тѣмъ, святой трудъ на пользу своей паствы можетъ спасти и пастырей отъ ихъ духовной гибели.

Мы кончили свои статьи, обращенныя къ православной Россіи, о тяжкомъ положеніи православія среди приволжскихъ инородцевъ. Эти замѣтки, конечно, очень не полны,—здѣсь пропущены такія важныя стороны церковной жизни, какъ постройка молитвенныхъ домовъ среди православныхъ въ такомъ количествѣ, чтобы ихъ было не менѣе магометанскихъ мечетей. Но мы указали здѣсь на главнѣйшее, опуская подробности, и чувствуемъ, что эти подробности сами войдутъ въ жизнь, когда будетъ выполнено самое важное, т. е. когда воскреснетъ церковно-приходская жизнь. Заканчиваемъ нашъ маленькій трудъ тѣми словами изъ пророчества Іезекіиля (3,18), которыя одушевляли насъ къ этому труду: „Когда Я (говоритъ Господь) скажу беззаконнику: смертью умрешь! а ты не будешь вразумлять беззаконника и говорить, чтобы остеречь беззаконника отъ беззаконнаго пути его, чтобы онъ живъ былъ, то беззаконникъ тотъ

умретъ въ беззаконіи своемъ, и Я взыщу кровь его отъ рукъ твоихъ. Но, если ты вразумлялъ беззаконника; а онъ не обратился отъ беззаконія своего и отъ беззаконнаго пути своего, то онъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а ты спасъ душу твою“...

Епископъ Андрей.

Къ предстоящему миссіонерскому съѣзду въ г. Казани.[1]

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь!

На письмо Вашего Преосвященства отъ 2 марта сего года за № 113, имѣю честь высказать слѣдующія свои соображенія по вопросу о предполагаемой Туркестанскимъ Епархіальнымъ Миссіонерскимъ Комитетомъ организаціи противодѣйствія мусульманскому вліянію во ввѣренной Вашему Преосвященству Туркестанской епархіи.

Предположеніе Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета вполнѣ оправдывается христіанскимъ побужденіемъ (Матѳ. XXVIII, 19 и 20) и русско-государственнымъ сознаніемъ.

Русская колонизація края тогда только достигнетъ своей государственной цѣли—закрѣпленія мусульманской туркестанской окраины за православной Россіей, когда все православное населеніе Туркестана, при своей малочисленности, будетъ убѣжденно и стойко исповѣдывать

---

[1]) Изъ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, письмо преосв Димитрію, Епископу Туркестанскому.

ученіе православной церкви и своею христіанскою жизнью располагать окружающихъ его иновѣрцевъ-мусульманъ къ христіанскому прославленію общаго для всѣхъ людей Отца Небеснаго (Матѳ. V, 16), Котораго и мусульмане славятъ по ученію своей религіи, признаваемой ими единою истинною и исключающею другія религіи (Коранъ, 3, 79). По этому поводу, я, къ глубокому своему прискорбію, позволяю себѣ высказать, что русское православное населеніе Туркестанскаго края, разбросанное небольшими группами по обширнымъ пространствамъ Туркестана, далеко не всегда руководится въ своей жизни сознаніемъ указанной выше христіанской и русско-государственной задачи.

Въ обыденной жизни русскаго православнаго населенія разныхъ мѣстностей Туркестана встрѣчаются нерѣдко случаи не только вообще не идеальнаго христіанскаго поведенія, каковое могло-бы располагать къ себѣ туземное иновѣрное населеніе и возвышать его духовную культуру, но и преступленія гражданскаго и уголовнаго характера. Въ этомъ отношеніи было-бы весьма назидательно для Комитета собрать статистическія данныя о преступленіяхъ русскаго населенія Туркестанскаго края изъ канцелярій областныхъ судовъ и областныхъ статистическихъ комитетовъ, а равно отъ епархіальнаго приходскаго духовенства, которому должна быть близко извѣстна духовная жизнь прихожанъ. Въ мѣстныхъ газетахъ также нерѣдко встрѣчаются печальныя указанія на случаи разныхъ гражданскихъ правонарушеній и уголовныхъ преступленій, совершаемыхъ русскими людьми въ краѣ на глазахъ у туземцевъ, которыхъ мы призваны облагораживать въ духовномъ отношеніи и прикрѣплять къ русской Державѣ, внушая имъ своею жизнью сознаніе о нашемъ превосходствѣ

надъ ними. Къ сожалѣнію, мы часто не внушаемъ такого сознанія туземцамъ. По моему многолѣтнему наблюденію, прежнее обаяніе русскаго имени въ Средней Азіи не только съ каждымъ годомъ замѣтно слабѣетъ, но иногда замѣняется открытымъ презрѣніемъ, выражающимся въ видимой непочтительности и даже въ открытыхъ плевкахъ, какими нѣкоторые туземцы сопровождаютъ проходящаго мимо ихъ русскаго человѣка [1]). Представленіе туземцевъ о быломъ русскомъ могуществѣ со времени несчастной японской войны значительно измѣнилось не въ пользу русскихъ, а со времени объявленія свободы печати татарская пресса усилилась въ Россіи и выдвинула вопросъ о панисламизмѣ съ тяготѣніемъ къ Турціи, какъ къ центру религіозно-мусульманскаго и политическаго единенія. Кто знаетъ, можетъ быть въ глазахъ и сердцахъ русскихъ подданныхъ мусульманъ, особенно татаръ, питается и лелѣется сладостная мечта о возстановленіи обширнаго общетюркскаго государства на теперешней русской территоріи. Наши дипломатическія неудачи и пораженія могутъ поддерживать эту несбыточную, по мнѣнію многихъ русскихъ, но не совсѣмъ невѣроятную для меня лично, мечту передовыхъ мусульманъ Россіи. Я допускаю существованіе такой смѣлой мечты, за которой склоненъ признавать опредѣленный реальный характеръ. Въ турецкихъ газе-

---

[1]) Съ искреннимъ прискорбіемъ могу заявить, что особенно наши праздники съ ихъ народными гуляньями и пьянствомъ сопровождаются нерѣдко такими уличными безобразіями, которыя вызываютъ у туземцевъ не только изумленіе, но и отвращеніе. Въ настоящую Пасху на ташкентскомъ кладбищѣ было кощунственно произведено разграбленіе 2-хъ склеповъ и совершено нѣсколько кражъ въ домахъ во время Пасхальной утрени. Были кромѣ того драки, убійства и самоубійства (см. Туркестанскія Вѣдомости № 68 и т. д.).

тахъ было недавно заявлено: „Конецъ Россіи! Она отнынѣ вычеркнута изъ списка великихъ державъ!“ А турецкія газеты служатъ оракуломъ для татарскихъ.

Ко всему этому нужно прибавить вообще религіозное охлажденіе, замѣчаемое среди разныхъ классовъ русскаго населенія въ Туркестанскомъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливающуся пропаганду со стороны разныхъ сектантовъ, особенно баптистовъ, которые съ замѣтнымъ успѣхомъ вербуютъ себѣ прозелитовъ не только среди сельскаго, но и городского населенія, наприм. въ Ташкентѣ. Какъ не сказать по этому случаю, что мы въ Туркестанскомъ краѣ являемся неавторитетными представителями православнаго русскаго народа и государства среди многочисленнаго иноплеменнаго и иновѣрнаго населенія.

И туземцы, при видимой своей некультурности, видятъ это и по своему учитываютъ наши религіозно-нравственные и государственные недостатки. Мы же съ своей стороны нисколько не стѣсняемъ туземцевъ и мало думаемъ о высокой культурной задачѣ, какую призваны осуществить на этой окраинѣ; мы мало интересуемся жизнью туземцевъ, мало знакомы съ ихъ вожделѣніями и безпечно проживаемъ годъ за годомъ, не заглядывая въ ближайшее будущее нашего края, которое не обѣщаетъ намъ ни полнаго политическаго спокойствія, ни матеріальнаго благосостоянія.

Строго говоря, мы въ Туркестанѣ являемся не господами настоящаго положенія, а слугами его,—мы въ рукахъ у туземцевъ, начиная съ хлѣба и кончая дровами.

Я не рѣшаюсь болѣе распространяться на предложенную мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ серьезную тему, но полагаю, что и сказаннаго достаточно для раз-

мышленія членовъ Туркестанскаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета, которые, безъ сомнѣнія, и сами располагаютъ достаточнымъ количествомъ фактовъ, подтверждающихъ мое личное разочарованіе въ безплодно прожитыхъ нами 40 слишкомъ годахъ въ Туркестанѣ и въ слабыхъ надеждахъ на лучшее будущее. Что мы наблюдаемъ въ городахъ и въ русскихъ поселеніяхъ? Что иногда обнаруживается въ нашихъ приходахъ и школахъ? Отвѣчаемъ-ли и мы, представители служилаго сословія, вполнѣ своему назначенію?..

Оставляя безъ отвѣта эти вопросы, я перехожу ко второй половинѣ предложенія Вашего Преосвященства и утверждаю, что послѣ изданія манифеста о свободѣ совѣсти мусульманская пропаганда несомнѣнно усилилась во внутренней Россіи, а въ Туркестанскомъ краѣ она приняла форму панисламской пропаганды и имѣетъ опредѣленную организацію: въ разныхъ пунктахъ Туркестанскаго края открыты и дѣйствуютъ такъ называемыя „новометодныя школы“, руководимыя или непосредственно татарами, или туземцами, находящимися подъ вліяніемъ татаръ; они учатъ дѣтей туземцевъ по татарскимъ учебникамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыты братства и благотворительныя общества, а въ нѣкоторыхъ—читальни и библіотеки. Существуетъ изданный въ годы революціи печатный уставъ или программа мусульманскаго союза, который, очевидно, находится въ тѣсной связи съ турецкими комитетами. Эта сложная и опасная въ политическомъ отношеніи татарско-мусульманская организація можетъ оказывать въ Туркестанскомъ краѣ противодѣйствіе всякому русскому вліянію и начинанію: въ Казанскомъ краѣ она противодѣйствуетъ миссіонерской дѣятельности Братства св. Гурія, а въ Тур-

кестанскомъ краѣ возбуждаетъ сартовъ и киргизъ: то, чего не понимаютъ сарты и киргизы, имъ разъясняютъ татары, разсѣянные подобно жидамъ, по всѣмъ мѣстностямъ Туркестанскаго края и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центрами мусульманскаго движенія въ Казани, Уфѣ, Оренбургѣ, С.-Петербургѣ и въ Крыму. Для свѣдѣнія Комитета сообщаю, что съ 1905 года слово „миссіонеръ“ сдѣлалось особенно распространеннымъ не только среди татаръ, но и среди сартовъ и киргизъ и часто теперь встрѣчается въ мусульманскихъ газетахъ. Мою фамилію мусульманскіе передовые борцы иначе и не представляютъ, какъ съ прибавленіемъ „миссіонеръ“, придавая этому слову особо опасное для туземцевъ значеніе и предостерегая ихъ отъ личныхъ сношеній со мною и отъ чтенія редактируемой мною туземной газеты.

Дѣйствуя такимъ образомъ на сартовъ и киргизъ, татары не только затрудняютъ путь къ будущему культурно-христіанскому вліянію русскихъ на туземцевъ, которыхъ они стремятся подчинить собственному вліянію, но и пользуются случаями для совращенія коренныхъ русскихъ людей въ исламъ. Я знаю нѣсколько такихъ печальныхъ фактовъ, изъ которыхъ большая часть относятся къ заброшеннымъ въ край и оторваннымъ отъ православно-русскихъ семейныхъ традицій дѣвицъ, жившихъ въ прислугахъ, и рабочихъ, соблазненныхъ обѣщаніями хорошаго денежнаго вознагражденія, при всѣхъ прочихъ жизненныхъ удобствахъ вообще и семейныхъ въ частности. Одинъ случай обращенію въ исламъ произошелъ, повидимому, на почвѣ идейной—по религіозному невѣжеству бывшаго ученика сельско-хозяйственной школы, вообразившаго себя мыслителемъ и увлекшагося книжкою петербурскаго татарина Ваязитова,

написанною въ защиту ислама противъ возраженія на ученіе ислама. Извѣстенъ мнѣ также фактъ соблазна русской дѣвицы офицеромъ-мусульманиномъ, который самъ готовъ былъ принять христіанство изъ-за любви къ этой дѣвицѣ, но когда она оказалась беременною отъ него, онъ заявилъ о своемъ нежеланіи перемѣнить вѣру отцевъ своихъ. Есть, безъ сомнѣнія; въ краѣ случаи сожительства русскихъ дѣвицъ и женщинъ съ мусульманами и тоже по побужденіямъ корыстнымъ...

Всѣ эти примѣры совращеній русскихъ въ исламъ свидѣтельствуютъ объ ихъ нравственномъ паденіи, вслѣдствіе религіознаго невѣжества и развращающаго вліянія на русскую публику произведеній печати извѣстнаго направленія—антирелигіознаго съ одной стороны и порнографическаго съ другой. При такихъ условіяхъ, мусульманскіе совратители русскихъ дѣвицъ и парней, кромѣ обѣщанія земныхъ благъ, указываютъ и на строгость своихъ нравовъ въ противоположность распатанной и безпринципной жизни русскихъ. Собственно же организованной пропаганды мусульманъ къ совращенію русскихъ въ исламъ, я не знаю и, вѣроятно, такой организаціи пока нѣтъ въ нашемъ краѣ.

На основаніи изложеннаго, я позволяю себѣ высказать желаніе и просьбу о предложеніи приходскому духовенству туркестанской епархіи оживить и усилить церковную проповѣдь и ввести въ ея содержаніе разъясненіе и опроверженіе главныхъ вѣрованій мусульманъ, съ указаніемъ на встрѣчающіеся случаи совращеній русскихъ не только въ исламъ, но и въ баптизмъ и под. секты. О. о. законоучителямъ русскихъ школъ слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность останавливаться серьезнѣе на христіанскомъ богослуженіи и на главныхъ отличіяхъ христіанскихъ вѣрованій отъ мусульманскихъ. Въ этомъ

отношеніи даже окончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ ученики, поступившіе въ семинарію, обнаруживаютъ поразительное невѣжество и, что особенно печально, не знаютъ и не понимаютъ такихъ фактовъ изъ отечественной церковной исторіи, о которыхъ должны толковать и учитель исторіи, и учитель русской словесности, и о. законоучитель [1]). Между тѣмъ многіе изъ нихъ являются на экзаменъ съ претензіей на развитыхъ юношей.

И такъ, преосвященный владыка, главная задача Туркестанскаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета должна быть сосредоточена пока на разъясненіи и укрѣпленіи основныхъ христіанскихъ вѣрованій въ умахъ и сердцахъ православнаго населенія епархіи путемъ усиленія и оживленія церковной проповѣди и улучшенія преподаванія Закона Божія во всѣхъ школахъ, въ сближеніи уроковъ этого основного учебно-воспитательнаго предмета съ современною жизнію и съ задачами нашего водворенія въ иновѣрной мусульманской окраинѣ. А для этого нашимъ о.о. законоучителямъ слѣдуетъ пополнить свои познанія, какъ по русской церковной исторіи, такъ и по исламовѣдѣнію и по мѣстному сектанству.

Болѣе этого я сказать не могу и прошу снисхожденія къ себѣ за представляемый неполный и необстоятельный отзывъ на письмо Вашего Преосвященства.

Н. О.

---

[1]) Я, напримѣръ, лично убѣждался, что поступившіе въ семинарію воспитанники поголовно не знали, чѣмъ были замѣчательны Московскіе Митрополиты и другіе святители, уноминаемые на литіи въ церкви, а одинъ сказалъ, что подъ именемъ св. Димитрія Ростовскаго разумѣется современный епископъ Туркестанскій.

2007099304